

Антон Емельянов и Сергей Савинов

ЯПОНСКАЯ ВОЙНА. 1904

Книга третья

**Антон Емельянов
Сергей Савинов
Японская война
1904. Книга третья**

*<https://litres.ru/73936144>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Обычно книги о Русско-японской войне – это сражения на море. Крейсер «Варяг», Порт-Артур, Цусима Но ведь в то время была еще и большая кампания на суше, где были свои герои, где на Мукденской дороге встретились и познакомились будущие лидеры Белого движения, где многие впервые увидели знамения грядущей мировой войны и революции.

Что, если медик из сегодня перенесется в самое начало 20 века в тело русского офицера? Совсем не героя, а сволочи и формалиста, каких тоже было немало. Исправить репутацию, подтянуть медицину, выиграть пару сражений, а там – как пойдет.

Продолжение приключений попаданца на Русско-японской войне. На море все ближе Цусима, а на суше Не пора ли отбросить японцев назад?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	34
Глава 4	49
Глава 5	65
Глава 6	80
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Сергей Савинов

Японская война

1904. Книга третья

Глава 1

Выстрелы! Выстрелы! Выстрелы! Все должно было пойти совсем не так!

– И что теперь делать? – голос Сымы дрожал, а взгляд потерянно скользил по стенам фанзы, иногда останавливаясь на столе, где лежала отрезанная перед боем туго сплетенная коса. В знак решительности. От которой не осталось и следа.

– Что делать? – Вера выглянула в щель между досками, пытаясь разглядеть, что происходит снаружи.

Когда они спрятались в этом доме десять минут назад, от 214 боевиков-китайцев и 8 самых лучших в мире друзей-революционеров осталась в лучшем случае половина. Теперь же и того меньше. Бой подходил к концу, по крайней мере если ориентироваться на выстрелы винтовок и бой пушек. Пушек! Чертов Макаров мало того, что приехал в город столь невовремя, так еще и пушки догадался с собой притащить! Ну, какой нормальный человек до такого додумался бы?

– Вера! Что будем делать?! – повторил Сыма.

Девушка невольно вздрогнула. Ее последний шанс хоть что-то исправить в этом провале.

– Генералы и министры остановились всего в двадцати метрах от нас... – медленно начала Вера, пока у нее в голове шаг за шагом складывался новый план.

– Ты думаешь, мы еще сможем что-то сделать? – Сыма сглотнул и посмотрел на адскую машинку, стоящую у него в ногах.

– Мы! Сможем! – решительно сказала Вера и подошла поближе к Сыме, чтобы их глаза оказались точно напротив друг друга. – Тебе всего-то надо пробежать половину пути и бросить. Десять метров – ты докинешь! А я прикрою! Возможно, мы еще даже сможем выжить, но... Не обещаю.

– Умрем?..

– Это совсем не страшно. Главное, мы оставим после себя такую трещину, которую система еще не скоро сможет зарастить. А там и остальные братья постараются. Мы еще разрушим старый мир до основания!

– Но... Зачем прямо разрушать? – раньше Сыма не сомневался, но сегодня страх словно пробудил в нем что-то давно спавшее.

И Вере пришлось приложить все силы, чтобы не показать накотившее на нее презрение к этому человеку:

– Потому что, меняя мелочи, мы лишь помогаем тем, кто правит, держаться наверху. Отдают они народу чуть больше или чуть меньше, это принципиально ничего не меняет. И

только разрушив сразу все, мы не дадим этой гидре отрастить новые головы. Только так мы сможем впервые в истории человечества построить что-то новое, понимаешь?!

Сыма кивнул. Огонь, горящий внутри Веры, перекинулся на этого еще совсем не старого китайца. Он вспомнил, как умирали от голода его дети, как брата разорвали снаряды русских пушек. А они всего-то и хотели, что жить своим умом у себя дома.

– Вперед! – рявкнула Вера, почувствовав, что момент настал.

И Сыма, подхватив адскую машинку, выскочил на улицу. Их заметили всего через секунду, но за это время китаец уже успел сделать пару шагов. Винтовки солдат, собиравшихся вокруг Куропаткина и министров, начали подниматься. Но медленно. Вере на мгновение показалось, что если она успеет подстрелить пару человек, то у них на самом деле будет шанс. Но нет! Правильнее будет поступить по-другому, умнее... Признать поражение и начать готовиться к новому сражению.

– Твоя смерть еще поможет нам всем, – сказала Вера сначала тихо, а потом уже во весь голос. – Нет, Сыма! Это неправильно!

Китаец на мгновение сбился с шага, повернулся к девушке, и та разрядила свой пистолет ему прямо в грудь. Одна пуля, две, три... Проклятье, какие же они маленькие! Из рта Сымы потекла струйка крови, но он все никак не умирал,

продолжая смотреть Вере прямо в глаза. А потом улыбнулся. И через мгновение адская машинка у него в руках взорвалась, засыпая все вокруг осколками. Большая часть из них досталась самому Сыме, он же прикрыл от них и генералов с министрами, а вот со стороны Веры никого не было.

– Больно... – девушка почувствовала, как что-то резко кольнуло в правом боку где-то прямо под ребрами.

Через мгновение мир перевернулся, и вместо улицы перед Верой оказалось небо. Еще через одно, ударив по ушам топотом ног, над ней появились лица. Солдаты, кто-то из министров, все начало расплываться... Последним, что она успела разобрать в этой мешанине цветных пятен, оказалось лицо Макарова. Опять он!

В обществе иногда ходили слухи, что Витте – выходец из простого народа, и Сергей Юльевич никогда их не опровергал. Бесплатная поддержка толпы – кто от такого откажется? Тем более что его отец действительно был из мещан, а то, что мать была дочерью саратовского губернатора и внучкой одного из Долгоруковых, это уже мелочи. Мелочи, которые определили круг его знакомств, карьеру и покровителей, чьи просьбы были всегда обязательны к исполнению. И не важно, какой пост он при этом занимал, стажера в железнодорожном управлении или министра финансов.

– Где полковник Жилинский? Уехал, значит? – где-то рядом шипел на своих подчиненных Плеве.

Практически антипод Витте. Он никогда не забывал напомнить, что еще в 18 веке основатель рода Плеве носил на своем щите дворянский герб. Идеальный рыцарь для тех семей, что хотели любой ценой отстоять старые законы. Если те же Долгорукие давно поняли, что времена изменились, и готовы были допустить в высшее сословие цвет финансовой элиты России, то Плеве и его покровители продолжали настаивать, что право на дворянство дает лишь оружие и земля. Как по-детски.

– Удалось уже что-то узнать о нападавших? – Витте прервал паузу в криках Плеве и подошел к нему поближе.

– Недобитки с 1900-го и наши социал-революционеры, – поморщился министр внутренних дел, недовольно бросив взгляд на Куропаткина, пытающегося что-то объяснить великому князю. – Развели, понимаешь ли, игры в свободу и вседозволенность. А это армия! Армия, черт ее дери!

– Вы считаете, что Куропаткин был недостаточно строг со своими подчиненными? – Витте осторожно попробовал перенаправить гнев своего оппонента в безопасную сторону, но увы, Плеве в подобные моменты был похож на бойцовского пса. Почувствовав кровь и вцепившись во врага, он уже не отпускал.

– Я считаю, что мы слишком много заигрывали с революционными элементами, пытались придерживаться правил, на которые им наплевать. Нет, это надо же, устроить акцию во время войны, в тылу своей – своей, мать ее – армии!

– А вы ведь и ехали сюда, рассчитывая на что-то подобное, – неожиданно понял Витте. – Подставились, чтобы ваши враги не удержались, и... Кто бы знал, что это случится так быстро и так масштабно.

Сам Витте собрался на восток, чтобы лично напомнить Куропаткину о тех обещаниях, что он давал перед отъездом. А то уж слишком воинственные новости летели с полей сражений, и тут как бы не дошло до действительно маленькой и победоносной войны... От последней мысли на лице Витте мелькнула улыбка. Это ведь он оплатил статью, где столь резкую фразу приписали Плеве, и как удачно вышло. Фраза ушла в народ, и теперь любые потери, даже в случае победы, будут бить по имиджу министра внутренних дел. А вот что было неудачно – эта атака уж слишком сильно развязала тому руки.

– По какой бы причине я сюда ни ехал, факт нападения это не изменит, – Плеве поджал губы. – Или вы хотите поспорить?

В столь проигрышных условиях? Витте покачал головой.

– Нет, я бы предпочел сразу договориться, что эту партию мы вам уступим. Полная свобода до завершения войны или... – он не договорил, но слова о любой крупной ошибке уже со стороны министра внутренних дел и так читались.

– Что хотите взамен? – Плеве был как всегда краток и циничен.

– Ничего, – Витте покачал головой. – Вы же знаете, в чем

мы, несмотря на все отличия, с вами схожи. Мы, пусть и каждый по-своему, боремся за то, чтобы система сохранилась. Изменения или небольшие победы каждой из сторон ничего не значат...

Он не успел договорить, когда из фанзы на краю периметра оцепления выскочил нервный китаец. Безумие в глазах и сжатая в руках бомба не оставляли сомнений, что он задумал. Витте ждал помощи, но... Их солдаты слишком увлеклись попытками показать себя перед великим князем и Куропаткиным. Снайпер Макарова, что до этого так удачно их прикрывал, тоже оставил позицию. Неужели все так глупо кончится?

И в этот момент вслед за китайцем выскочила какая-то девица. Еще одна революционерка? Нет. Она подстрелила бомбиста, но и сама попала под удар. Немного обидно. Раскаявшаяся убийца могла бы пригодиться ему для продолжения партии, но... Она прижимала руки к животу. Рана высокая, пятно крови растет быстро – похоже, без шансов. И тут с соседней улицы, по которой к ним прорвался и прикрывал отряд Макарова, вылетел и сам полковник.

Витте до этого лично не видел этого героя войны, о котором уже начали ходить слухи даже по столице. И вот... Растрепанный, засыпанный глиняной крошкой от близкого взрыва – любой другой офицер на его месте подошел бы к начальству и доложил о себе. Чтобы точно запомнили, чтобы точно наградили. А этого вместо карьеры и будущего, ка-

жется, интересовало только одно.

– Проверить раненых! Отсортировать! Доложить! – рявкнул он своим и действительно, пока не подошли армейские врачи, лично занялся осмотром.

Бой заканчивается не тогда, когда затихает эхо последнего выстрела, а только когда с земли поднимут и осмотрят последнего раненого. Для нас, к счастью, операция прошла без потерь. Преимущество в огневой мощи, которым мы не стеснялись пользоваться, позволило просто уничтожить все попытки местных сопротивляться. Пара поверхностных ранений у слишком дерзких и резвых не в счет. А вот у охраны Куропаткина были и тяжелые. Я быстро осмотрел всех. Легких оставил на месте, остальных прямо на генеральских поездах отправил в госпиталь.

Единственный сложный случай, который нужно было решать прямо на месте – это девушка, подстрелившая последнего бомбиста. Ей достался осколок прямо в печень, и это, учитывая местные реалии, верная смерть. Тут и операции такой не знают, точно не в полевых условиях, а с резекцией печени и в моем времени не стоит затягивать. Выход?.. Оставить все как есть. Я не бог, я просто сделал свою работу, а теперь ради всего, что я хочу изменить, стоило бы подойти к высокому начальству. Тем более я чувствую, что те готовы говорить и слушать. Это так разумно, так правильно, так очевидно...

Я уже успел осознать простую истину. Если во время боя я буду отвлекаться на раненых вместо того, чтобы командовать, то в итоге потеряю гораздо больше людей. Вот только сейчас-то бой закончился. У меня есть выбор! Остаться или уйти... Проклятье! Надеюсь, я об этом не пожалею.

– На носилки ее и в отделение транспорта! – я принял решение.

– Куда именно? – уточнил Лосьев.

– На подземный этаж, там у разведки есть своя операционная. И отправь фельдшера Короленко вперед, пусть готовят место и инструменты, – я заметил рядом знакомое лицо и выдохнул. Хотя бы с этим проблем не будет.

А теперь еще раз выдохнуть, успокаивая дыхание, и вперед: буду делать то, что должен, и будь что будет.

– А ведь правду про вас говорят, – тихий голос Витте догнал меня, заставив вздрогнуть от неожиданности.

– Прошу прощения? – я повернулся к министру финансов и поклонился.

– Не знаю, искренне вы сейчас или это продуманный шаг, но он прекрасно подтверждает вашу репутацию. Хороший офицер, хороший человек и отвратительный политик – как ни странно, идеальная смесь для быстрой и хорошей карьеры, – усмехнулся тот. – А теперь бегите и не бойтесь. Вас еще обязательно дождутся.

Я кивнул в ответ, невольно задумавшись о своих ощущениях. Слово одновременно походил под дулом пистолета и

под взглядом высунувшейся из кустов кобры. Те ведь, как известно, бывают до шести метров в длину: когда поднимут вверх переднюю треть тела, издали можно принять за человека. Вот только внутри – ничего человеческого.

Я тряхнул головой, прогоняя лишние мысли, и поспешил в операционную. По пути скинул лишнюю одежду, помыл руки – внутри как раз успели пройтись по всему помещению карболовым паром, а растрепанный дежурный доктор поставил эфирную маску и считал пульс.

– Можно начинать, – кивнул он мне. – Только... Это же повреждение печени. Судя по обильности кровотечения, глубокое. Резекция Кина? Шов Кузнецова? Шансы очень малы.

Мне попался на удивление знающий, хоть и болтливый товарищ. Не доктор, как я сначала подумал, а еще только помощник врача, студент и доброволец, горящий своим делом. Пока мы готовились к операции, он успел рассказать, как читал статьи про операции Лангенбуша и Кина. Последний, как оказалось, успел разделать печень пациентов более 70 раз, и умирал у него на столе лишь каждый пятый. В России подобные операции делал Склифосовский, и та же примерно доля смертности. Учитывая раны лежащей на столе девушки, ее шансы были еще меньше.

Вот только я мог опираться на более передовые исследования. Так, просто понимая, что печень – это не цельный кусок мяса, а несколько разных секторов с отличающейся друг

от друга анатомией, в 60-х смогли понизить смертность всего до 3 процентов. А еще я точно не планировал начинать, пока не...

– Переживаем портальную вену, – по привычке прошлых операций я комментировал свои действия вслух.

– Зря, – тут же вмешался мой напарник. – Вы не читали, что этот способ пробовали на кроликах? И ни один не смог пережить операцию.

– Кролики не смогли. Люди смогут, – я знал про эту особенность. Злая шутка истории медицины: когда из-за желания проверить все и не сделать глупых ошибок врачи долгие годы отказывались от очевидного решения, которое все жутко упрощало.

Закончив с веной, я начал искать границы раны и с неудовольствием обнаружил, что ту распорол не только спереди, но и сверху. Значит, добраться до всего, что мне нужно, через уже готовую дырку не получится. Более того, не подойдет и стандартный косой разрез Федорова вдоль реберной дуги. К счастью, тут было другое решение. Клод Куино, между прочим, доживший аж до 21 века, предложил для подобных случаев не бояться и вскрывать одновременно и грудную, и брюшную полости.

– Ах-ш! – выдохнул мой напарник, когда я сделал широкий разрез.

По восьмому межреберью от нижнего угла правой лопатки и до пупка. Теперь, наконец-то можно было удалить по-

врежденную часть печени, почистить рану и как можно быстрее ушить. Для этого использовался шов Кузнева-Пенского. Сквозной, восьмиобразный – его изобрели, кстати, буквально за десять лет до этой войны. И несмотря на свой возраст он оставался актуален даже в мое время. Конечно, с доработками, но сама суть та же.

– В чем главная проблема резекции печени? – я говорил и шил. – В том, что пациент теряет много крови. И мы решили это, пережав лишние сосуды выше и ниже печени. Также пациент может терять кровь и после операции, поэтому мы зашиваем все сосуды внутри органа. То же самое и с желчными потоками. Нашли, пересчитали, ушили. Следующая проблема – это герметизация швов, которые, когда человек начнет двигаться, могут просто перерезать печень. Поэтому укрепим их...

Тут лично я бы предпочел, чтобы под рукой был тубик медицинского клея, но его изобретут только во время Второй Мировой войны. Так что пойдем более естественным путем.

– Берем пластинки фасции, – я использовал кусочки плотной соединительной ткани, которые раньше покрывали отрезанную часть печени, – и закрепляем их в краях раны. Так давление шва будет идти на них, а не на саму печень.

Тут я заметил, что мой помощник давно ничего не комментирует. Поднял на него взгляд на мгновение – он никуда не делся, просто полностью сосредоточился на операции

и наркозе. Еще десять минут ушло на послойное ушивание остальных поврежденных тканей и, наконец, я позволил себе сделать шаг назад, стянуть стерильную маску Хантера и вытереть пот со лба. Да, ассистенты мне бы не помешали, но из-за стрельбы и взрывов большинство врачей и сестер были отведены в безопасное место.

– Рану держать открытой, не мешать выходить лишним жидкостям, следить за гноем и обрабатывать карболкой. Справитесь? – посмотрел я на доктора.

– Да, – тот кивнул, немного растерянно, кажется, до конца не веря в то, что именно мы сделали.

– Если будут вопросы, найдите меня. И я на всякий случай оставлю у вас одного из своих, кто умеет работать с ранами, как у нас принято. Короленко? – я посмотрел на вымотанного фельдшера. – Задержитесь тут. А к вечеру Слащев пришлет вам замену.

– Есть, ваше высокоблагородие, – выпалил тот.

– Подождите... – остановил меня мой недавний помощник. – Но как вас зовут? То, что вы сделали, это невероятно.

– Меня зовут полковник Макаров, – я понял, что молча уйти было бы неправильно. – Скоро вся информация о моих операциях будет подготовлена для печати. Надеюсь, кому-то это сможет помочь. Пусть не сразу на хирургическом столе, но хотя бы в мыслях о том, что возможно, а что нет.

– Мне-то уж точно поможет, – мой помощник почесал затылок, и стало окончательно понятно, что он действительно

очень молод. – Честно, не ожидал от армейского офицера такого... – он обвел операционную широким жестом.

– А вас как зовут? – я невольно улыбнулся, захваченный чужим энтузиазмом. Кем бы ни был этот неизвестный студент, может быть, я смогу помочь ему чего-то добиться в будущем. С его-то желанием и храбростью – такие люди точно пригодятся стране.

– Николай! – представился мой помощник. – Николай Николович Бурденко. Служил сначала в летучем санитарном отряде, но под Вафангоу задело, и вот временно перевели в госпиталь и закрепляют то за одним, то за другим стационаром...

Парень еще рассказывал, как вернется на фронт, где так много интересных случаев и практики, с которыми он теперь точно сможет сдать экзамены на полноценного врача. А там и продолжить исследования, начатые еще академиком Павловым. Я же думал о будущем этого человека. Русско-японская – это ведь не единственная война для Бурденко. На Первую Мировую он тоже поедет добровольцем, а на Второй Мировой, несмотря на уже немалые 65 лет, станет главным военным хирургом Советского Союза. И вот такие люди здесь, в 1904-м, сидят пацанами в обычных добровольцах.

И мы с ними вместе оперируем. Как он сказал в самом начале – невероятно.

– Если будут проблемы с возвращением в боевые части, – предложил я, – имейте в виду, во 2-м Сибирском такого

храброго молодого врача примут с распростертыми объятиями.

Между делом мы закончили мыть руки после операции и теперь смогли их крепко пожать друг другу. Я еще раз улыбнулся новому знакомому, а потом, подобрав сброшенный ранее мундир, медленно двинулся на свежий воздух. Судя по часам на выходе, с момента начала операции прошло чуть больше часа. При этом следов недавнего боя в городе уже почти не было. Конечно, у случайного прохожего могли бы возникнуть вопросы, что же тут делает так много солдат. Зато никаких тел, даже никакой крови и мусора. А его тоже было изрядно, особенно чуть дальше, там, где мы использовали пушку.

Я огляделся в поисках Витте – тот ведь обещал, что меня дождутся. Но сам министр финансов и не подумал задерживаться. Задав пару вопросов солдатам из охранения, я узнал, что тот уехал почти через пару минут, как я скрылся в операционной. И к чему тогда было его обещание? Или... Он ведь не обещал, что будет ждать сам. Я как раз заметил, что ко мне бежит один из секретарей, которого я видел рядом с Плева. Значит, я интересен министру внутренних дел, а Витте просто играет в какую-то свою игру...

– Полковник, – молодой парень в гражданском мундире вежливо поклонился мне. – Вячеслав Константинович просил вас подойти, как вы закончите. И ваши люди уже у него, можете не волноваться.

– Мои люди?

– Казуэ и Сайго Такамори, которые и заметили нападение.

Все мысли об играх и хитрых планах министра финансов разом исчезли без следа. Значит, мне не показалось, и я действительно видел перестреливающихся с бомбистами японскую шпионку и того раненого офицера. Брат и сестра. И оба из мятежного рода Такамори. Интересно, конечно, но на что они рассчитывают, представляясь моими людьми?

Глава 2

Смотрю на японцев. Парень как будто искренне рад моему появлению, девушка в итоге отводит взгляд.

– Добрый день, полковник, – Плева, поднимаясь из-за стола, тут же перехватил инициативу и пожал мне руку. – Спасибо еще раз за то, что так вовремя вмешались. Боюсь, без вас и ваших помощников все могло бы закончиться гораздо хуже.

Я как раз закончил осматривать чью-то лавку, временно переоборудованную под полевой штаб министра внутренних дел. И где почему-то не было никого кроме нас четверых. Плева что, решил, будто после нападения стал бессмертным?

– Прошу прощения, – не очень хочется сознаваться, что ты хуже, чем тебя считают, – но эти двое не работают на меня. И, может, позвать вашу охрану?

– Не надо. Я знаю, – Плева улыбнулся. – И было бы крайне неправильно говорить, что вы совсем не имеете отношения к этой парочке. Одна – пленница, второй даже в солдаты пробился. Тем не менее, то, что они оказались в нужное время в нужном месте и, главное, приняли правильное решение – это только их заслуга.

– Тогда...

– Было бы преступно с нашей стороны не использовать эту ситуацию, – в голосе Плева добавились стальные нотки.

– Вячеслав Константинович! – я тоже повысил голос. – Тут война, а не полицейская операция!

– И вы готовы отказаться от полицейской операции из принципа, даже если она может помочь на вашей войне?

– Я...

Я чувствовал, что Плевелю, как он уже не раз любил это делать в столице, собрался обзавестись двойными агентами. И пусть в 80-х у него все получилось, но я-то помнил, что даже тогда это стоило жизни его напарнику. А сейчас... Двойной агент среди боевого крыла эсеров Азеф в итоге станет заказчиком убийства самого Плевеля. И зачем мне такие же риски с японцами? Тем не менее, я не стал рубить с плеча и сначала выслушал план министра внутренних дел.

– То есть мы официально подтверждаем, что эти двое работали на меня, – подвел я итоги, когда тот закончил. – Более того, организуем официальную службу под крылом 2-го Сибирского, которая и дальше будет искать шпионов. Руками японцев!

– Можете расширить им штат, финансы я выделю, – Плевелю пожал плечами. – Да, выглядит странно. Но они уже сработали! Причем так, что теперь прогремят по всей стране. И пусть мы скроем имена и лица, но все, кому нужно, и так всё узнают.

– И все ради того, чтобы Казуэ, – я кивнул на молча сидящую японку, – стала двойным агентом? Для нас и разведки Оямы? Неужели вы верите, что ее примут обратно? После

того, как, по вашим словам, все и так всё узнают.

– В этом и прелесть, – усы Плеве встопорщились. – Ваша подопечная не будет сама выходить на прежних хозяев. Она будет играть роль вашей и только вашей помощницы, которая перестала скрываться и теперь работает на своего настоящего хозяина. И тогда... Поверьте, японцы не удержатся и сами на нее выйдут. Выйдут и сделают двойным агентом за нас.

– Агент, про которого все знают?

– В нашем случае это не имеет никакого значения.

– Но какой тогда во всем этом смысл?

– Канал передачи информации. Они скидывают нам то, что должно направить наши мысли в нужную им сторону. Мы передаем им свои обманки. Тот, кто сможет правильно расшифровать второй и третий слой этой игры, в итоге победит. Все просто.

Определенный смысл в словах Плеве появился. Зная, например, от чего нас хотят отвлечь или где обмануть, мы сможем в свою очередь понять планы врага, подготовиться.

– Но и японцы ведь тоже смогут точно так же нас просчитывать. Угадать, когда мы будем передавать через Казуэ правду, а когда ложь. Да и в верности самой девушки своему императору я бы не сомневался.

– О, я тоже, – Плеве улыбнулся, совершенно не стесняясь следящих за ним брата и сестру. – Именно поэтому она согласилась на мое предложение. Рассчитывает, что сможет

нас обставить. И в этом истинная прелесть двойной игры: у каждого есть шанс, и победит в ней тот, кто умнее.

Стоящий передо мной министр внезапно открылся с совершенно новой стороны. Впрочем, это полностью объясняло его готовность принимать довольно резкие и неожиданные решения, так несвойственные остальным консерваторам. Он просто умел разделять свои цели и методы. А еще как потомственный аристократ считал себя умнее других. Довольно часто не без причины, но... Хочу ли я влезать в его игру? С одной стороны, мне оно совсем не нужно. С другой, пусть и так криво, но мне предлагают ресурсы для создания собственной контрразведки.

Как сказал Плева, не важно, как выглядит ситуация, важно, как и кто ей воспользуется. И тогда вопрос будет звучать совсем по-другому. Считаю ли я себя достаточно умным, чтобы попытаться обыграть остальных?

– Я согласен, – решил я через минуту. – Но мне нужны будут деньги и... Еще десять радиопередатчиков.

– Это возможно, – кивнул Плева. – Но зачем?

– Если и играть в эти игры с обманом врага, то по своим правилам. В обычных условиях медленной передачи информации у них больше опыта, и шансы на успех довольно призрачны. А вот если увеличить скорость, сделать так, что за каждое решение и ошибку придется платить в течение нескольких часов, то старые приемы и подходы, наоборот, уже станут мешать.

Мы еще почти час обсуждали детали будущего сотрудничества, и чем дальше, тем больше расширялись глаза Казуэ и Сайго. Под конец мы попросили их выйти на улицу и уже только вдвоем обсудили последние детали, и вот... Я тоже оказался на свободе, сжимая в руке сразу же подписанные бумаги об основании нового отдела.

Японцы ждали меня тут же у самого входа.

– Казуэ Такамори, – я поймал взгляд девушки, – поздравляю, теперь вы начальник службы военной контрразведки 2-го Сибирского корпуса. Ваш чин будет приравнен к 12-му классу табели о рангах, что соответствует армейскому поручику. До завтрашнего утра буду ждать от вас предложений и пожеланий по организации вашей службы.

– А я? – выпалил Сайго.

– Вы будете отвечать за силовые операции службы. До первых успехов никто нам штатную структуру не утвердит, так что пока без должности и чинов. А дальше... Все будет зависеть только от вас. Может быть, у кого-то уже есть идеи, как добраться до тех, кто помогал бомбистам? Или до еще каких японских шпионов?

Если честно, я не ждал положительных ответов на свои вопросы. Несмотря на согласие, не верил, что идея Плеве может принести пользу, но... Казуэ только хищно улыбнулась и попросила солдат, чтобы задержать китайцев, участвовавших в контрабандных поставках взрывчатки, а заодно написала несколько имен, работающих на Францию и Гер-

манию. Не знаю, правда ли это – многое придется проверять – но если японка поможет вычислить хотя бы соглядатаев из Европы, то, может, я и ошибался насчет всей этой затеи...

В итоге я застрял в Ляояне на целых три дня. Причем так долго задержался не из-за шпионов, а чтобы попытаться поговорить с великим князем, однако Сергей Александрович после покушения пребывал в минорном настроении и на контакт не шел. А вот время на месте не стояло. И пусть до большого сражения было еще несколько недель, но... Тратить их на политику вместо возвращения в Лилиенгоу и продолжения подготовки было бы глупо. А то если наша армия опять проиграет, то, несмотря на все хитрости и интриги, это будет именно поражение. Поражение, которое закроет нам весь юг Маньчжурии и решит судьбу Порт-Артура.

И вот ведь ирония судьбы и изгибы логики начальства. Только я уехал, только начал погружаться в работу всех частей 2-го Сибирского – боевых, снабжения, штаба – как тут же пришел вызов. Уже знакомый мне поручик Огинский пригласил меня в гости к Куропаткину, между слов намекнув, что на самом деле встреча будет не с главнокомандующим, а с остановившимся у него гостем. И вот я, уже без всякого предвкушения, а скорее злой до чертиков из-за кучи неоконченных дел, вытянулся по швам перед братом прошлого и дядей нынешнего императора.

Русая борода, светлые пронзительные глаза на вытянутом

черепе... Черепе? Почему-то при взгляде на этого человека в голове возникло именно это слово. Будто это не человек, а... Функция, воплощение семьи Романовых с безупречной осанкой и длинной открытой шеей.

– Ваше высочество, – несмотря на странные мысли, я от-весил безукоризненно четкий поклон. Никогда так не про-гибался раньше, по крайней мере, с тех пор как я занял это тело, а тут словно разом проснулись все спящие до этого ин-стинкты.

– Полковник, рад, что вы приняли мое приглашение, – Сергей Александрович несколько секунд внимательно меня изучал. Я ждал, что он что-то скажет о покушении: те же Витте и Плеве так сразу сказали спасибо, но великий князь решил не тратить время на такие мелочи и просто подвинул в мою сторону две папки.

– Что это? – я задал вопрос, которого от меня ждали.

– В первом конверте ваши генеральские погоны, прямо здесь и сейчас, – левая рука великого князя подвинула впе-ред ближайший конверт. – Там же полная поддержка от мой-ей части семьи. Вас же наверняка уже сравнивали с Белым Генералом, так вот она ваша возможность сделать то, что в свое время не смог даже Скобелев.

Я невольно сглотнул. Вот оно – то, чего я искал все это время. Покровительство, ресурсы – причем такие, которые мне никогда не смогли бы обеспечить ни Витте, ни Плеве, ни Куропаткин. Ведь, просто приняв это предложение, я мог бы

разом взлететь на их же уровень. Из грязи в князи, в смысле в генералы и протееже главной ветви императорской семьи. Вот только... Покровитель – это не только возможности, но и обязательства.

– Что я буду должен? – голос невольно опустился до хрипа, а Сергей Александрович, как оказалось, ждал этого вопроса. И не стал играть в лишнее благородство.

– Финансово ничего, однако политически вам придется следовать указаниям, которые семья будет передавать вам через меня или любого, кто принесет вам особый знак, – мне мельком показали платок со сложной монограммой. Буквы С и А, вплетенные в рисунок из шипастых роз, и что-то еще...

Я тряхнул головой. Мозг попытался спрятаться за неважные мысли, в то время как сейчас важно было только одно.

– Любые указания? – спросил я.

– Ничего личного, но вам придется придерживаться не только военных, но и политических целей, – великий князь на мгновение задумался, стоит ли продолжать, однако потом все же пояснил. – Как вы знаете, Россия, начиная с 90-х годов прошлого века, ушла от союза с Германией и сблизилась с Францией. Принесло ли это пользу нашей стране? Конечно, да – мы получили множество кредитов, которые помогли запустить промышленность и закончить стройки, которые иначе могли бы затянуться на десятки лет. Тот же Транссиб. Но интересы страны меняются. Если изначально Франция была настроена на равноценное сотрудничество, то теперь

– чем дальше, тем больше они стараются только брать. Тяжесть этого союза тянет страну на дно, открывая дверь таким потрясениям, о которых никто раньше даже не думал. И все это можно исправить, просто сменив вектор внешней политики. Понимаете?

Я кивнул.

Я действительно понимал, какие нас могут ждать потрясения. А еще неожиданно осознал, откуда мог взяться вызвавший столько вопросов в будущем бьеркский договор 1905 года. Его вроде как никто не готовил, а потом сразу после Русско-японской Николай II лично встречается с кайзером и подписывает соглашение о взаимопомощи. Предполагали, что это мог быть выход на общий русско-франко-германский союз, направленный против Англии. Но эта линия так и не была доведена до конца, а потом волны дипломатии раскидали возможных союзников на прямо противоположные стороны. Да, конфигурация будущих противников во время Первой Мировой была еще совсем не определена.

– Кстати, недавно у нас была небольшая победа, – Сергей Александрович увидел, что я уже долго молчу, и решил сам продолжить. – Прямо перед отъездом сюда Витте пришлось подписать соглашение с Германией о новых торговых пошлинах, оно вступит в силу уже скоро, 28 июля. И да, с учетом нашей зависимости от Франции нам пришлось пойти на уступки по ценам на зерно, зато это откроет европейский рынок другим нашим товарам. Одно небольшое соглашение,

а сколько новых заводов и денег это принесет стране! Сколько зерна останется внутри России, помогая избежать нового голода! Вот что бывает, когда страна начинает заботиться о собственных интересах.

– А что говорят об этом договоре ваши противники? – спросил я.

– Прямо в лоб попросите меня себя поругать? – великий князь усмехнулся.

– Я ведь все равно услышу их речи, так почему бы сразу не объяснить мне что к чему.

– Довольно прямолинейно. Кажется, давно я не общался с настоящими военными, – улыбка Сергея Александровича стала чуть шире. – Что ж, наши противники из старых консервативных семей считают, что мы не должны идти вообще ни на какие уступки. Как они говорят, неизвестная польза в будущем не стоит упавших цен здесь и сейчас.

– Наверно, в этом есть смысл. Крестьяне ведь рассчитывают на определенные деньги за свой хлеб, но не получают их. Не приведет ли это в итоге к тому же голоду?

– Не получают, но перед ними будут открыты сотни других путей. Стране нужны люди, которые пойдут на фабрики и заводы, которые откроют свое дело. Теперь это вполне возможно! И если не сделать этот рывок сейчас, потом цена будет только выше.

– Вы сказали про консерваторов, я так понимаю, эту партию представляют люди вроде министра внутренних дел.

– Все верно.

– А что насчет таких, как Витте?

– А эти считают, что мы, наоборот, должны ринуться в новый мир совсем без страховки. Открыть рынки, пустить внутрь России любые капиталы, которые захотят на нас заработать. Французские, английские, американские... Представляете, они ругают старые порядки, крепостное право, а сами фактически готовы отдать свой народ в рабство любому господину с толстым кошельком. Но разве уважающая себя страна согласится пойти по пути Японии: продать свободу и историю за иллюзию силы?

– Прошу прощения, но я не верю в людей, которые не оправдывают себя.

– О, тут вы правы, они рисуют в будущем вполне благостную картину. Витте и те, кто стоят за ним, верят, что, собрав внутри страны финансовых хищников нового времени, мы получим возможность ставить им условия. Сначала небольшие, не трогая кошельки, просто заставляя вкладываться в производство именно внутри России. Потом, чем глубже увязнет коготок, тем жестче мы сможем себя вести. Россия – фабрика всего мира, такова их мечта.

Я на мгновение прикрыл глаза. А ведь начало 20 века не сильно отличалось от любого другого времени. Есть те, кто хочет сохранить устоявшийся порядок, есть желающие медленных изменений и те, кто готов нестись вперед любой ценой. Знать бы еще тем самым резвым, что есть гораздо бо-

лее дерзкие, чем они, ребята... Но что делать мне? С одной стороны, умеренное развитие, о котором говорит сам Сергей Александрович, меня вполне устраивает. Меняться и в то же время иметь возможность что-то подправить, если свернешь не туда.

– И что мне нужно будет делать здесь и сейчас? – я понял, что в принципе готов взять протянутый мне конверт.

– Вам нужно проиграть сражение за Ляоян. Главнокомандующий тоже не будет сильно стараться и даже примет на себя позор поражения. Вы же после этого сможете подняться на более заметные роли и, как придет время, наконец-то отбросить азиатских варваров.

– Но зачем снова проигрывать?

– Партия консерваторов пока слишком сильна. Нам нужно показать их слабость, лишить поддержки, и вот тогда, когда победа будет не ради себя самой, а ради страны – тогда вы и сделаете свое дело.

Проклятье! От недавнего интереса и хорошего настроения не осталось и следа.

– Что во втором конверте? – я не хотел, но все-таки задал этот вопрос.

– Приказ лично вам: остановить и отбросить японцев. Не справитесь – придется подать в отставку, хотя лично я слышал, что в былые времена истинно благородные люди после подобных неудач предпочитали стреляться.

– Остановить одному моему корпусу?

– Приказ будет всей армии, но, как вы могли понять, покровители нашего главнокомандующего тоже не против ослабить консерваторов. Он не будет особо стараться, а я попрошу, чтобы вам не помогали. Не станут отбирать, что уже дали, но и больше ничего вы не получите. И вот вопрос вам, Вячеслав Григорьевич, готовы ли вы ради своих амбиций и упрямыства отправить на смерть доверенный вам корпус?

Сергей Александрович Романов изучал новое дарование, родившееся под флагом Русской Императорской армии. Так всегда было. Суворов, Кутузов, Дибич, Паскевич, Скобелев – один герой уходил, на его место приходил новый. Главное, держать их на строгом поводке: когда надо посылать отдыхать, когда надо снова отправлять в бой. Впрочем, сейчас великий князь и дядя царя на самом деле не отказался бы от искреннего союзника.

Все-таки уж слишком тревожной была ситуация. В воздухе веяло большой войной, и враги России тоже не сидели на своих местах. Так, он не сказал об этом, но Англия и Франция 8 апреля этого года тоже подписали соглашение, фактически поделив все спорные территории. Ньюфаундленд у побережья Северной Америки, Африка от Египта до Мадагаскара, Сиам в Азии и Новые Гебриды в Тихом океане – фактически они расчертили линиями весь глобус, и от осознания, для чего могла бы вестись такая подготовка, становилось неуютно.

С другой стороны, именно этот союз в итоге помог сблизиться с Германией, которая до того предпочитала посматривать на своего восточного соседа свысока. Россия на какое-то время оказалась на распутье, и было чрезвычайно важно сделать правильный выбор. Забавно, но такой же выбор нужно было сделать и его новому генералу, показать, кто он – верный пес или же дикий волк, которым рисует того прикормленный американский писатель.

– Итак, Вячеслав Григорьевич? – великий князь ждал ответа. Давняя традиция, идущая чуть ли не со времен Византии. Мятежные генералы не отправлялись на виселицу, а в случае отказа следовать приказам истинных повелителей империи просто получали смертельно опасное задание. Потерпят неудачу – заодно лишатся и репутации, что позволит избежать ненужных волнений среди их сторонников. Препуспеют – тоже неплохо.

Победу там, где ее никто не ждет, тоже можно использовать. В случае Русско-японской войны – да, это усилит позиции старых семей, но с ними можно договориться. А вот на внешней арене будущим союзникам придется заплатить гораздо больше. Так что великий князь был готов к любому ответу, дело было за полковником.

Глава 3

Смотрю на конверты. Левый – сдать и плыть по течению, правый – снова бороться.

– Отбить Ляоян своими силами, так отбить! – я протянул руку, ухватил правый конверт, а потом, молча поклонившись, развернулся и пошел на выход. Возможно, не очень вежливо, но больше говорить нам было не о чем, а дел у меня теперь... Очень много!

Меня никто не стал задерживать. Вышел, крикнул извозчика до вокзала и уже через пару минут катил по улицам среди резко увеличившегося количества патрулей. Все-таки Плеве сумел достучаться до жандармов, ну или взял их за нежные места и заставил работать. Не знаю, каковы будут их успехи в разведке, но порядок в Ляояне они навели. Где-то по наводке Казуэ, где-то сами.

Деятельность и активность министра внутренних дел мне, если честно, импонировали. А еще после рассказа великого князя я осознал, что тот на самом деле заинтересован в моих успехах. Не настолько, чтобы ради этого костями лечь, но на дополнительные радиопередатчики, думаю, можно рассчитывать.

С этими мыслями первым делом после возвращения в Лиенгоу я заглянул к нашим связистам. Городов, как и все последние дни, сидел, закопавшись в провода и медные ка-

тушки, все еще надеясь доработать радио для передачи голоса. Чернов дежурил у приемника. Я едва успел поздороваться, когда прозвенел сигнальный звонок, а следом потянулась лента, фиксируя чье-то сообщение.

Скорее всего, мы случайно поймали сигнал, нацеленный на штаб Куропаткина, но я все равно решил не мешать. И не зря.

– Наши! – дернулся Чернов и снова погрузился в расшифровку с удвоенным энтузиазмом.

Первая часть сообщения прошла быстро – хватило наших условных сокращений. Был бой, не меньше полка японцев, выстояли, отступили в ночи. Потери: треть личного состава, половина пушек, все снаряды... С каждым новым кодовым словом ситуация казалась все хуже, теперь о набеге на Инкоу не могло быть и речи. Вот только связист Хорунженкова, где-то раздобывшего радиопередатчик, все продолжал стучать ключом.

Как оказалось, капитан, чтобы запутать японцев, отошел не в сторону Ляояна, а дальше на юг – к впадению Хуан-Хэ в Ляохэ. И здесь неожиданно встретил нашу канонерку «Сивуч», как раз когда ее капитан остановился перед очередным перекатом, смирившись, что дальше им не пройти... Чернов еще принимал сообщение, но детали этой необычной истории я уже вспомнил и сам. Из будущего...

В Инкоу ведь еще этой зимой стояли три канонерки: наша, американская и английская. Как сошел лед, иностранцы

отошли, а капитан «Сивуча» заметался в поисках решения. После поражения нашего флота шансов прорваться в свой порт и тем более дать бой японцам, которые точно не придут без численного преимущества, у него не было. Сначала он согласовал интернирование, сняв оружие и условно сдав корабль китайской стороне. Вот только очень скоро стало понятно, что Пекин не захочет, да и не сможет защитить сдавшийся корабль, если японцы им заинтересуются.

Тогда орудия были возвращены на место, а сам «Сивуч» вернулся на боевое дежурство и прикрывал Инкоу ровно до того момента, пока в порт не пришли сразу две японские канонерки, да еще при поддержке отряда миноносцев¹. После этого корабль в сопровождении 4 паровых катеров отошел. От него ждали прорыва в море, как в свое время попытался «Варяг», но капитан Стратанович поступил по-другому: заранее замерил глубину в устье Ляохэ и просто отступил по реке. Причем одна из японских канонерок, попытавшаяся пойти за ним, почти сразу села на мель, и если бы не поддержка остальных кораблей, ее бы даже смогли потопить.

Так команда «Сивуча» не смогла пустить кровь врагу, зато оторвалась, сохранив корабль, пушки и людей. Дальше они сумели пробиться почти на сто километров севернее, пока река окончательно не стала слишком мелкой даже для канонерки. Возможно, весной, когда уровень воды был бы выше,

¹ В нашей истории их было три, но «Цукуси» успел захватить и подпортить главный герой, так что ей сейчас не до боевых задач.

шансы и оставались бы, но сейчас «Сивуч» просто застрял. И Стратанович, связавшись с Куропаткиным, согласовал подрыв корабля. Конец истории, если бы не нагрянувший в самый последний момент Хорунженков.

У моряков были пушки, но уже не было воли сражаться. У капитана была воля, но не было снарядов, и сейчас, засев за корабельную станцию, он просил моего разрешения отжать себе хоть что-то.

– Передавай, – кивнул я Чернову, формулируя покороче первые строчки будущего сообщения. – Разрешаю принять на баланс корпуса корабль, артиллерию и добровольцев, что захотят к вам присоединиться...

Это было самое главное. Дальше очень хотелось отправить свои предложения по будущему бою, но... Кодов у нас для полноценного сообщения не хватит, передавать открытым текстом то, что сможет перехватить обладатель любого приемника в округе – дураков нет. Так что пришлось переключиться на менее быстрые, зато более надежные способы связи.

– Найдите мне Буденного! – крикнул я адъютантам, а сам сел писать приказ.

Канонерка, особенно такая как «Сивуч» – это ведь не только сотня матросов, но и мощные пушки. Одна 9-дюймовая махина в носовой башне чего стоит – такая попадет, и одного снаряда может хватить на любой малый корабль, что японцы пригнали под Инкоу. И это еще не все. На корме сто-

ит 6-дюймовка вроде тех, что так помогли моему полку после рейда к Квантуну. Ну и шесть 107-миллиметровых малых орудий, которые, впрочем, не стоило недооценивать.

С таким усилением залпа моего конно-пехотного отряда можно было замахнуться не только на попытку поджечь порт, но и на уничтожение флота. Главное, правильно разыграть карту так обидевшего японцев беглеца «Сивуча», и все обязательно получится! Закончив записывать свои идеи и схему атаки порта, я запечатал все в конверт, и вовремя. Буденный по старой памяти продолжал держаться недалеко от связистов и как раз подошел.

– Семен, – я крепко пожал руку одному из своих главных помощников. – Честно, хотел бы доверить это дело тебе, но... Ты у меня на всей кавалерии, так что выдели пару человек, чтобы отправить с донесением вслед за Хорунженковым.

– Пару человек, надежных и быстрых?.. – Буденный на мгновение задумался. – В идеале же послать кого-то, кто уже ходил в дозоры в ту сторону?

– Да, – я заметил, что Семен смутился. – Что-то не так?

– Все так, но... Мы же врага с нашего фланга ждем, а там – Южный отряд. Капитан Хорунженков сам своих разведчиков посылал, а я... Думал, раз направление не основное, то и натаскивал там только новичков.

– То есть у нас либо опытные казаки, но без знания местности, либо кто-то из совсем свежих пополнений? – понял я.

Не самая удачная ситуация. С одной стороны, просто идти по следам отряда Хорунженкова несложно. С другой, если там уже наступают японцы, посылать кого-то, кто не знает местность, слишком рискованно. В итоге я все-таки остановил свой выбор на новичках. Но хоть Буденный их и разрекламировал – в первом же дозоре столкнулись с японцами и даже кого-то подстрелили – все равно на душе было неспокойно.

Ночью спал плохо, несколько раз просыпался от приходящих в голову идей, а утром поднялся и первым делом снова поехал в Ляоян к интендантам. А то после отказа от предложения великого князя надо было срочно разбираться, на что именно я могу рассчитывать. Наверно, еще неделю назад столь важные господа меня бы просто послали – все-таки в транспорте и снабжении царила довольно специфическая атмосфера – вот только после приезда Плеве и поднятой тем бури тут все изменилось.

– Вячеслав Григорьевич, доброго дня, – прямо на входе со мной поздоровались.

Я оглянулся и тоже вежливо кивнул поручику Огинскому. Адъютант Куропаткина стоял со смутно похожим на него молодым человеком, которого тут же представил. Оказалось, старший брат и секретарь самого Витте, который по просьбе своего начальника присматривает за деятельностью Плеве.

– Не боитесь рассказывать такое первому встречному? – невольно улыбнулся я.

– Не первому встречному, а вам, – ответил Огинский-младший. – У вас репутация, полковник.

Мне не оставалось ничего другого, кроме как понимающе кивнуть.

– А по какому вы вопросу? Может быть, я смогу помочь? – Огинский-старший изобразил участие, а я задумался, точно ли случайна наша встреча.

– Хотел узнать, есть ли возможность добавить в расписание дополнительные вагоны из Владивостока или хотя бы с Амура, – я не стал пояснять дальше, но и так было понятно, что я нацелился на тыловые запасы. Мне ведь обрезали только новые линии снабжения, а выбить полный штат по артиллерии и снарядам для своих уже обещанных туземных полков еще можно было попытаться.

– Не получится, – почти сразу ответил помощник Витте.

– Вы уверены?

– Все составы забиты Куропаткиным под завязку. Если появляются свободные мощности, то главнокомандующий нагружает их в тот же день. Так что вытащить хоть что-то в обход него точно не получится.

– Это правда, – подтвердил напор своего начальника Огинский-младший. – И если еще четыре дня назад у вас был бы шанс, то сейчас...

Он не договорил, но я и так все понял. До атаки бомбистов транспортники могли бы протолкнуть мои грузы за взятку, сейчас же – не решатся. Я все же не удержался и, помня,

что мои интересы расходятся и с Куропаткиным, и с Витте, заглянул к интендантам лично. Но только время потратил. Огинские оказались правы: все составы на ближайшие полгода были уже загружены, а что-то менять или добавлять никто не был готов. Глаза блестели, уши краснели, но от всех предложений обсудить детали без посторонних лишь мужественно отказывались.

Наверно, сегодня я разбил немало сердец. Несбывшимися надеждами, которые были так близко, но в то же время так далеко. Погруженный в свои мысли я прошелся по улице... С кем-то, узнавшим меня, даже поздоровался. Еще заметил, что куда-то пропали яркие плакаты, высмеивающие японцев. Ну да, говорить о слабости врага, когда он пришел под твои стены, было бы уже нелепо. Ненадолго задержался возле дома прессы – там меня тоже узнали.

Сразу несколько человек просили подсказать, когда Джек Лондон выпустит новый рассказ и, главное, как продвигается мой роман с японкой. Я даже растерялся, но тут помог Чернецкий – журналист «Ведомостей» растолкал своих коллег и под крики, что ему обещали интервью, отвел меня в сторону.

– Спасибо за спасение, – искренне поблагодарил я парня, невольно оценив его бледность. Кажется, война стала непростым испытанием не только для военных, но и для пишущей братии. – Или вы на самом деле хотели задать несколько вопросов?

– Разве что небольшой комментарий, – Чернецкий смутился. – Это не мне неинтересно – просто больше сейчас не дадут поставить в печать. Все место зарезервировано под высоких гостей, тут уже ничего не изменить.

– И что за вопрос? Возьмут ли японцы Ляоян? – пошутил я.

– Наверно, это был бы хороший вопрос для обычного военного, но... – Чернецкий задумался. – Я бы спросил что сложнее. Например, так: а не будет ли простому народу лучше, если японцы возьмут Ляоян?

Выпалил, а потом уставился на меня долгим немигающим взглядом. Неожиданно, я словно по-новому взглянул на этого человека.

– Знаете... – медленно заговорил я. – Вы спросили про простой народ, а я все-таки офицер, поэтому не буду говорить за других. Лучше расскажу одну историю. Вы же знаете, что после того, как мы отступили с Ялу, японцы заняли весь юг Маньчжурии?

– Конечно. Было бы странно, если бы они этого не сделали.

– При этом они заняли не только те города, где стояли наши войска, но и расширили зону контроля на китайскую территорию.

– Для обеспечения безопасности, понимаю.

– Так вот там, на китайской земле, были люди, которые до этого сотрудничали с Россией. Те, кто не стал за нас сражать-

ся, но кто остался при своем мнении, что с нами их земле было бы лучше. Так вот знаете, что с ними сделали японцы?

– Кхм... Не слышал, там же нет наших журналистов.

– Есть англичане, немцы, американцы, но они почему-то не поднимают эту тему, – я пожал плечами.

– Так что там было?

– Расстреляли. Почти всех, кто был настроен на сотрудничество с Россией, просто и без всяких затей взяли и расстреляли. А кого не расстреляли – повесили. Японцы оказались очень практичны и лишены предрассудков.

– А откуда информация?

– Мы недавно раскрыли несколько местных ячеек, сотрудничающих с японцами, там все и всплыло. Хотя и раньше были вопросы, почему многие старые контакты с той стороны перестают выходить на связь.

– Возможно, обман. Дезинформация.

– Возможно, – я даже не подумал спорить. – Но мы скоро пойдем вперед и все узнаем из первых уст. Очень надеюсь, что такие журналисты, как вы, окажутся рядом, чтобы рассказать об этом миру...

Оставив за спиной задумавшегося Чернецкого, я двинулся дальше. От дома прессы мимо района складов я сделал круг и вернулся в правительственный квартал, на этот раз зайдя со стороны центрального телеграфа. Давно тут не был – с тех пор, как мы обзавелись своими станциями, мне отправляли сообщения напрямую. Я уже почти прошел мимо,

когда меня окликнули. Узнали и вспомнили, что уже как две недели меня ждет сообщение из Санкт-Петербурга, отправленное по официальным каналам и поэтому застрявшее на полпути.

– Понимаете, господин полковник, – объяснял мне начальник отделения, – по вашему назначению в Лилиенгоу у нас еще нет официальной бумаги, чтобы туда все переслать. И отделения там нет, чтобы можно было через него вас известить. А будем самовольничать, головы могут полететь, поэтому как же хорошо, что вы рядом оказались, и все решилось.

Я только глаза закатил, пораженный тем, что следование регламентам порой может сделать все только хуже.

– И ведь раньше работали. Да, делали что-то не совсем так, как положено, но делали же. А тут под боком у начальства никто и шагу в сторону не ступит, и все встало, – продолжал жаловаться маленький начальник, проводя меня по коридорам к своему кабинету. – Так что где-то в мире, может, правила и нужны, а у нас в России они только мешаются.

– Или, может, стоит их просто подправить? – предложил я. – Раньше-то их не трогали, потому что думали, что они работают. А тут вылезли проблемы, вот и повод довести все до ума. Да, сначала будет сложно, зато потом как просто станет. Глядишь, еще и посылки перестанут теряться.

– Скажете тоже, – мне только махнули рукой. – Правила на то и правила, чтобы на них опираться. А если их каждый

менять начнет, то какой в них смысл?

Мне выдали конверт с набранной телеграммой и поспешили выставить из кабинета. Кажется, на взгляд моего спутника разговор свернул куда-то не туда. Ну и ладно, я все же здесь не за этим... Я раскрыл конверт, вытащил лист бумаги, вчитался, а потом принялся быстро загибать пальцы.

Ситуация с припасами, которая еще недавно казалась явным тупиком, разом стала гораздо лучше. Телеграмму мне прислала Анна Нератова – та самая дочка одного из акционеров с Путиловского. Как оказалось, она еще по пути домой связалась с родственниками, передала мои идеи, и те их заинтересовали. Настолько, что почти сразу же были сделаны первые партии улучшенных изделий и без проволочек отправлены на фронт для прохождения испытаний. Причем не кому-то там случайному, а мне!

И пусть там не было ничего революционного, только то, что можно быстро исправить или быстро собрать. Пусть дорога от столицы до Маньчжурии занимает больше месяца, но... Две недели письмо уже лежит, сегодня 22 июля, а сражение при Ляояне должно быть где-то в конце августа. По крайней мере, у нас было... Так что успеет груз! А не будет успевать, неужели я не придумаю, как немного задержать японцев? Сейчас-то, когда мне развязали руки и фактически сказали, делай что хочешь – разве может быть по-другому?

Я шел по улице, перечитывая и перечитывая список обещанной техники. От письма, сбрызнутого легкими цветоч-

ными духами, приятно пахло, и улыбка у меня на лице становилась все шире и шире.

Александр Павлович Кутепов должен был попасть в 85-й Выборгский полк, ему даже обещали место в команде разведчиков. И еще бы кто-то предложил меньшее выпускнику Санкт-Петербургского юнкерского, закончившего свою альма-матер по 1-му разряду. Вот только новости о подвигах отдельных частей на востоке взбудоражили умы студентов, а как до них дошла рукопись Джека Лондона, то и вовсе многие не выдержали. Александр Павлович и семнадцать других лучших учеников попросили досрочной сдачи экзаменов и, получив звание подпоручиков, поспешили в Маньчжурию.

На месте, конечно, все оказалось не так радужно, как в книгах. Много самодурства, не меньше хаоса, но потом Кутепову просто повезло: он получил назначение в тот самый 2-й Сибирский к самому Макарову. Молодой офицер с восторгом смотрел, как к позициям их части ведет отдельная железная дорога, не меньше его поразил и свой спортивный городок, где с утра до вечера занимались солдаты. Рядом на полигоне точно так же гоняли стрелков и артиллеристов. Кутепов прошел короткий курс молодого бойца, показал себя и неожиданно получил предложение перебраться из пехоты в кавалерию.

Его будущему командиру Буденному нужны были опытные офицеры для разведывательных отрядов, а в седле Алек-

сандр Павлович, как дворянин, держаться умел. В общем, отказываться он не стал, сходил в первый рейд и даже подстрелил японца из такого же отряда с той стороны. А потом ему поставили задачу уже совершенно другого уровня. Вместе с двумя казаками тайно пройти вслед за отрядом капитана Хорунженкова и передать пакет с приказами лично от полковника.

Буденный несколько раз проговорил ему важность задачи, впрочем, Кутепов и сам все понимал. Они вышли в тот же день, удачно пройдя по своей территории еще при свете солнца, а вот там, где могли оказаться японцы, двигались уже в темноте. По примеченным еще в прошлый раз тропам обошли несколько деревень, в которых, по информации полковника Ванновского, могли быть сочувствующие японцам местные, а потом рванули прямо вдоль берега реки.

Кутепов примерно знал, где именно будет находиться отряд Хорунженкова, поэтому не сдерживался. Скорость, натиск, упорство. Они за два дня преодолели путь, который должен был занять в два раза больше времени. И вот прямо перед рассветом тройка Александра Павловича вылетела за поворот реки и встала. Прежде всего, потому что их взяли на прицел затаившиеся в секрете солдаты, а еще из-за открывшегося вида. Сотни палаток, сотни лодок и огромный стальной корабль, который, казалось, перегородил собой половину реки. Да уж, это только в море канонерки кажутся крошками на фоне остальных гигантов, а вот на суше...

В правильных руках с ними можно горы свернуть. А уж в чем Кутепов не сомневался, так это в том, что у офицеров 2-го Сибирского руки растут из правильного места.

Глава 4

Иногда, кажется, что понял человека, а тот возьмет и такое выкинет.

Следующий день после поездки к интендантам и получения письма от Анны Нератовой я посвятил проверке работы своего корпуса. Первым делом заглянул в госпиталь, уверенный, что уж тут-то точно все в порядке и можно будет быстро двинуться дальше, но где там! В отделении для легкораненых прямо у входа мне попались княжна Гагарина и вьющийся вокруг нее Борис Владимирович. При этом не сказать, чтобы девушка была против компании великого князя.

– Вячеслав Григорьевич, – княжна заметила меня и широко улыбнулась. – А мы тут разбираем почту. Раненые пишут родным, им приходят письма, но все это в таком беспорядке, многое теряется, а Борис Владимирович захотел помочь разобраться.

– Я извинился за былые недоразумения, – великий князь еле заметно улыбнулся. – А то меня пока от службы отстранили, а пользу приносить хочется.

Парочка замолчала, ожидая моего ответа. А я, если честно, совершенно не верил, что кое-кто мог так быстро измениться. Тем не менее, устраивать скандал было глупо, поэтому я без лишних вопросов выслушал доклад Гагариной о раненых, попавших к ней после последнего похода. Большая

часть из них уже успела вернуться в строй, но некоторых еще придется продержат под присмотром врача минимум пару недель.

Было видно, что Татьяна хочет поговорить о чем-то еще помимо работы, но при великом князе так и не решилась поднять этот вопрос. А я хоть и заметил ее взгляды, но не стал помогать. Сначала надо было разобраться с Борисом Владимировичем, так неожиданно обосновавшимся у меня на заднем дворе. Тот тоже понимал, что без разговора не обойтись, и, извинившись перед княжной, последовал за мной.

– Можете называть меня по имени, – великий князь начал разговор совсем не так, как я ожидал.

– Что ж, тогда вы тоже, – сделал я ответный жест. – Но все же... Почему вы здесь?

– Вы общались с Сергеем, – Борис начал издалека. – Вы отказались от его предложения, но это вовсе не значит, что вам оставят полную свободу воли. Так, отец попросил меня за вами присмотреть.

– Владимир Александрович? Я слышал, он категорически не хочет усиливать армию гвардейскими частями.

– Вы сами видели, что недавно творилось в Ляояне. Крепкий тыл принесет армии больше пользы, чем даже пара опытных корпусов, – великий князь говорил легко и уверенно, а я... Я был с ним в чем-то даже согласен.

– Так вы хотите просто присматривать за мной?

– Еще помогу с почтой в госпитале.

– И все?

Великий князь просто пожал плечами и больше так ничего и не сказал. Мы в итоге разошлись, и я еще долго думал, а какой он на самом деле. Фигляр и псих, готовый разрядить пистолет в того, кого считает ниже себя? Или же это только часть личности, которая в итоге не просто так стала командиром Атаманского полка и всех казачьих войск в Первой Мировой.

Ладно, посмотрим, что будет дальше.

Следующая неделя прошла почти тихо. На суше японцы медленно подтягивали свои силы поближе к Ляояну и пока не спешили провоцировать новые сражения. Куропаткин занимался почти тем же самым. Эшелоны подходили каждый день, и на дистанции все эти разрозненные грузы и группки людей начали складываться во что-то существенное. Так, новые 5-й и 6-й Сибирские корпуса были сформированы почти на две трети. К будущему большому сражению они точно смогут стать в строй, а через пару месяцев и 8-й Сибирский должен подтянуться.

Если так посчитать, то выходило, что через месяц у Куропаткина должно оказаться под рукой почти 180 тысяч солдат, при том, что силы японцев – их я помнил из будущего – еле-еле добирались до 140 тысяч. Удивительное дело: в наше время половина рассказов про эту войну сводилась к тому,

что врагу было проще и быстрее подвозить силы и припасы, а нам дольше и сложнее. Вот только, судя по всему, Транс-сиб и военное министерство, несмотря на все проблемы и нечистые руки, справлялись с этой задачей лучше японских транспортов и героического флота.

Причем приезжали не только люди. Я видел, как довозят боеприпасы и пушки – что важно, не только легкие трехдюймовки, как это было раньше. Существенно усилили парк горной артиллерии, подтянули мортиры вроде тех, что я успел урвать себе до Вафангоу, и, главное, начала появляться тяжелая артиллерия. Пока ничего невероятного, но теперь на огонь японских гаубиц смогут отвечать наши осадные 152-миллиметровые орудия. И пусть их было немного, сам факт басовито ухающих на полигонах стволов добавлял солдатам уверенности. Все же в армии любят большие калибры!

– Ваше высокоблагородие, – капитан Лосьев подошел ко мне с регулярным отчетом о строительстве укреплений. – А вы видели, что на других участках фронта происходит?

– Что-то заметили? – спросил я.

– Главнокомандующий как-то очень много резервов отводит в тыл. Резерв полка, резерв дивизии, резерв корпуса, общий армейский – и тоже резерв. Получится, что у нас не меньше трети армии окажется в тылу и не сможет оперативно реагировать на изменение обстановки!

Я понимал недовольство молодого штабиста – лично мы себе такого позволить не могли и, учитывая скромные штаты

2-го Сибирского, были вынуждены фактически тонкой ленточкой растягивать их вдоль выделенного нам участка фронта. Да и просто жалко транжирить силы, если они есть, но...

– А давайте мы с вами представим, что на месте Куропаткина находится не наш командир, а враг. Как бы вы объяснили такое его решение, капитан? – спросил я.

– Ну, если не горячиться, то в резервах смысл всегда есть, – Лосьев тряхнул вихрами и задумался. – Это наша корпусная разведка пока считает, что японцев чуть больше 100 тысяч. Армейская же говорит, что их будет не меньше двухсот тысяч, плюс артиллерия, которую они планировали использовать для взятия Порт-Артура.

Я невольно вздохнул. Это действительно было так: по какой-то неведомой причине Куропаткин и его штаб были совершенно уверены, что японцы бросят штурм базы нашего флота, просто заблокировав город, и все силы отправят к нам.

– Думаете, это будет не так?

– С одной стороны, все логично. Порт-Артур укреплен – не берутся такие крепости за пару дней и даже недель, а вот здесь, на фронте, армия Ноги могла бы принести японцам немало пользы... Вот только ни один разъезд, ни один агент, на которого успел выйти полковник Ванновский, ничего не передавал о передвижениях с той стороны.

– Тем не менее, мы знаем, из чего исходит Куропаткин...

– Что ж, тогда... Ожидая большую по численности армию,

выделить для обороны только часть сил, а остальное придержать для контрудара – вполне разумно.

– А почему именно такая численность остается на первой линии?

– Нормативы. Считается, что 3600 солдат на километр фронта смогут обеспечить идеальную плотность огня в 5 выстрелов на метр в секунду. Поэтому-то все остальные части, которые считаются избыточными, штаб и отводит. Вот только... – Лосьев на мгновение сбился, но потом сумел сформулировать мысль. – Не бывает достаточной плотности огня! Я с вами не так долго, но точно успел усвоить главное правило – чем больше, тем лучше!

– Я рад, – я искренне улыбнулся, – что вы со мной согласны. И тем больше шансов, что в будущем наша армия станет сражаться немного по-другому. Без достаточной плотности, без достаточных потерь...

От мыслей о будущих войнах на лице мелькнула тень. Лосьев ее заметил, но понял по-своему.

– Это вы из-за кавалерии?

– Точно, – я невольно хмыкнул. – Вот здесь у меня нет никаких объяснений.

Лосьев только закивал в ответ, потому что... А что тут скажешь? Странная ситуация. Если по количеству солдат и артиллерии можно было говорить об относительном равенстве сил, то вот по кавалерии русская армия была просто на голову сильнее. Больше двухсот эскадронов против 70 япон-

ских – даже без учета качества лошадей и выучки, которая тоже была в нашу пользу. Что можно сделать, обладая такой мощью и, соответственно, преимуществом в скорости маневра? Угрожать флангам и даже тылу во время боя, устроить рейд по линиям снабжения врага, да просто самим фактом своего существования рядом с линией фронта связывать возможности маневра Оямы. А что сделал Куропаткин? Почти 90 эскадронов были отправлены в тыл, чтобы охранять железную дорогу от возможных атак.

К сожалению, эту ситуацию я изменить никак не мог. Пока...

Оставалось только готовиться к своему бою и следить за новостями. Хорунженков, который до этого каждый день слал зашифрованные отчеты о продвижении к югу, вчера перешел в режим радиомолчания, а это значит, что со дня на день должна будет начаться атака на Инкоу. Впрочем, на юге и так было жарко. Армия Ноги, в отход которой так верили в штабе Куропаткина, пока только давила и давила на Порт-Артур. Буквально 3 дня назад они отбросили наши войска от дальних подступов и подошли почти вплотную к городу.

Да, основные форты были еще впереди, вот только... Уж слишком далеко могли стрелять пушки даже в начале 20 века, слишком близко был наш флот, оказавшийся перед нелегким выбором. Либо остаться на внутреннем рейде, рискуя словить случайный снаряд, либо выбираться на внешний, где его могла бы атаковать эскадра Того, курсиру-

ющая неподалеку. Кажется, именно после этого в моей истории должен был поступить приказ прорываться к Владивостоку, что в свою очередь привело к очередному сражению наших флотов.

Сражению и поражению...

– Господин полковник! – капитан Городов лично вылетел из отделения связи, сжимая в кулаке расшифровку телеграммы. – Господин полковник, новости из Порт-Артура! Передача от контр-адмирала Витгефта. По личному приказу Его Императорского Величества он попробовал вырваться из города, но Того поджидал его. Был бой!

– Итоги?

– Бой шел 8 часов, с 12 дня до 8 часов вечера. И при этом мы не потеряли ни одного корабля!

– А японцы?

– На головном «Микасе» выбили все орудия, вот только утопить его все равно не смогли, – в голосе Городова мелькнуло сожаление, но, кажется, в целом он был... Доволен?

– То есть японцы тоже никого не потеряли и еще и не дали нашим выбраться на оперативный простор? – в отличие от связиста моя оценка боя была совсем не такой радужной.

– В следующий раз мы точно сможем! – Городов сжал кулаки.

– Сможем ли? – я тоже хотел бы верить в чудо, но факты... – Японцы отведут подбитые корабли в Японию и восстановят. А что сможем восстановить мы в осажденном Порт-Ар-

туре?

И это я еще не говорил про моральное состояние на флоте после очередного поражения и о том, как этот бой скажется на остальном ходе войны. В будущем я читал, как некоторые исследователи называли именно это сражение ловушкой для будущей Цусимы. Восемь часов боя, когда корабли палили друг по другу из всех стволов, и ни один из броненосцев не отправился на дно. Неудивительно, что Рождественский, ведущий на подкрепление эскадру из Балтики, учтет этот факт при планировании Цусимского сражения. Вот только там неуязвимость броненосцев куда-то денется, и уже к сорок третьей минуте боя из строя будут выведены 2 наших корабля. Как? При том, что бой при Цусиме начался на гораздо большей дистанции, чем это сражение в Желтом море. Кто его знает!

Впрочем, тут важнее другой вопрос. Могу ли я что-то сделать? Находясь за сотни километров от моря, без какой-либо возможности влиять на решения наших адмиралов, в конце концов, без реального опыта, на который можно было бы опереться. Мысли крутились в голове, и пока ответов не было. Разве что пара неявных вариантов, которые надо было еще хорошенько продумать...

После получения новостей из Порт-Атура Ляоян сначала вспыхнул надеждой, попытался найти в них хоть что-то хорошее, но потом все больше и больше начал погружаться в

пучину отчаяния. Даже песни, которые пели солдаты у костров по вечерам, становились все грустнее и грустнее. А некоторые отделения – что недавно могло показаться немислимым – и вовсе сидели тихо.

У нас во 2-м Сибирском, впрочем, было не до рефлексии. Все были заняты тренировками: офицеры гоняли солдат и играли в военные игры, солдаты гоняли сами себя. Основной упор мы делали на огневую мощь, скорость и, главное, слаженный маневр всех видов войск на отдельном участке фронта. Причем не один маневр за раз, как мы делали раньше, а целая серия, которая как в шахматной партии порой раскрывалась под самый конец. Пока выходило не очень, многие путались, мешали друг другу, но мы продолжали. Раз за разом. И постепенно мой штаб и штабы дивизий, которые собрали у себя Шереметев и Мелехов, набивали руку. Вот только успеем ли?

Я же с самого утра получил телеграмму от Плеве, что обещанные корпусу радиопередатчики прибыли и уже ждут нас. Не знаю, где он умудрился достать их так быстро, но я не собирался даже думать о зубах дареного коня. Не то что рассматривать их! Едва получив сообщение, подхватил с собой поручика Чернова как принимающего от связистов и прыгнул на утренний состав до Ляояна. К нам продолжали приезжать составы с добровольцами и припасами, поэтому поезда ходили каждый день – даже не пришлось ничего менять.

Я уже думал по пути немного подремать, как тут в наше

купе заскочила Казуэ. Японка была одета в русский мундир и выглядела до чертиков непривычно. Причем так думал не только я, многие еще смотрели на нее косо, но польза от нового отдела, придуманного Плеве, как ни странно, была. Помимо сданных еще в первый день агентов за следующую неделю Казуэ нашла еще троих. Прошерстила вместе с приданными жандармами собранные мной анкеты всех новичков, отложила несколько десятков подозрительных, обратив внимание на мелкие нестыковки, которые пропустили люди Ванновского. И вот двое китайцев признались в работе на Германию, один – на Соединенные Штаты.

– Доброго дня, господин полковник, – девушка поклонилась мне по-японски, вкладывая в традиционный ритуал приветствия хозяина всю доступную ей иронию.

– Доброго дня, – я со вздохом ответил. – Ну что, вы хотите рассказать, что впервые нашли хоть кого-то, работающего на Японию? А то мне, конечно, приятно, что политики получили уникальную возможность щелкать по носу нейтралов, но... Война-то у нас не с ними.

– Вячеслав Константинович доволен.

– Вы работаете не на него, не забыли?

– Поэтому и догнала вас. Хотела рассказать, что вчера, когда я была в Ляояне, меня приглашал на беседу Сергей Юльевич.

– Витте? Что он хотел?

– Делал вид, что благодарит меня за помощь в день поку-

шения, – ответила Казуэ и неожиданно презрительно скривила лицо.

– А на самом деле?

– Хотел, чтобы я делилась с ним информацией о вас.

– Прямо так в лоб?

– Нет, конечно, – Казуэ скривилась еще больше. – Этот человек понятия не имеет о гири.

– В смысле о гантелях? При чем тут они?

– Не гантели, – Казуэ прикрыла глаза и что-то проговорила про себя, как всегда делала, когда забывала какие-то слова на русском. – Гири – это японское слово, означает что-то вроде долга, чести. Когда вы кого-то просите о помощи, то берете на себе гири перед этим человеком, но... Есть манипуляторы. Они не просят, они играют словами, они пытаются заставить тебя думать, будто ты сам хочешь сделать то, что нужно им. Обманывают, чтобы душа не была отягощена гири, понимаете?

– Кажется, понимаю, – я кивнул, невольно соглашаясь. При всей показной открытости и жизнерадостности Витте в нем действительно было что-то скользкое.

– Так вот он почти полчаса рассказывал мне, как я должна быть вам благодарна за то, что смогла вырваться из-под власти семьи, императора, каждого, кто подавлял меня все эти годы.

– То есть напомнил о тех, кого вы потеряли, начав работать на нас.

– О да! И я ведь понимала в тот момент, что он делает это специально, но если бы вы оказались рядом, а у меня в руках был нож, то я бы не удержалась. Умеет он говорить. Слова так и льются, и смысл вроде бы правильный, а желания появляются совсем другие.

– Ловко, – согласился я. – Потом спросит кто, о чем вы говорили, и он совершенно искренне ответит, что пытался наладить наш с вами контакт. И что дальше?

– Потом он намекнул, что некоторые люди наивно считают, будто ваши с ним цели не совпадают, и поэтому, если у меня будет что рассказать, чтобы я с ним делилась.

– То есть формально вам представились моим врагом и предложили поработать вместе?

– Да, но... Он все равно враг моей стране, и я ненавижу тех, кто не знает, что такое честь.

– Знаете, – я улыбнулся. – Вы вот рассказали, и я невольно чувствую, что теперь вам должен.

– Потому что вы знаете, что такое гири. И я буду этим пользоваться...

Поезд как раз добрался до Ляояна, и Казуэ, словно заранее рассчитав, где и как должен закончиться наш разговор, вскочила на ноги и выскользнула из вагона. Мы с Черновым только проводили ее взглядом, а потом молча слушавший нас все это время связист не выдержал.

– Гири... Иногда японцы придумывают красивые слова.

– А чем хуже слова честь и долг? – я лишь головой пока-

чал.

– А она правду сказала, у вас теперь перед ней долг за то, что она хранит вам верность?

– Все верно, пока хранит – долг есть, но... Мой долг перед Родиной, перед всеми доверившимися мне солдатами – гораздо больше.

– Мне кажется, она знает, – задумался Чернов, а потом улыбнулся. – Но все равно почему-то хотела, чтобы вы все это услышали. Это про нее мистер Лондон писал, что она вас любит? Маленькая женщина, чье сердце больше, чем огромное бычье сердце мужчины?

– Да, иногда Джек выбирает довольно неожиданные сравнения, – я только рукой махнул.

– Себастьян, кабан! – закричал Мишек, когда из окружающего их двухметрового гаоляна выскочил огромный секач.

После того, как он загредел в штрафной отряд, Мишек чувствовал себя неуверенно. С одной стороны, он рискнул, но добился своего. Выжил, обзавелся нужной репутацией, с которой он теперь сможет стать своим для всех поляков 2-го Сибирского, вот только... Уж очень удачно его заменил Себастьян. Тихий и спокойный в обычной жизни, оказавшись на месте командира снайперского взвода, он словно преобразился. Вдохновлял, командовал, делал все быстро и четко и, главное, не забывал думать. Даже сам полковник Макаров, по слухам, обратил на него внимание, и теперь Мишек боял-

ся, что недавний подчиненный сможет его обойти.

Не сможет, точно обойдет! Самому-то себе Мишек мог признаться, что Себастьян справился не просто так же, а лучше него. И вот, чтобы придержать так подставившего его парня, он решил стать ему другом. Друзей ведь не обходят в чинах, и если все пойдет по уму, то Мишек получит не соперника, а помощника, который станет опорой его карьеры... Так они и оказались на этой охоте. Мишек долго уговаривал Себастьяна сделать перерыв в занятиях, и в итоге тот согласился. Как он сказал: если не часто, то свежее мясо на ужин и пара часов без пригляда начальства только еще больше сдружат их взвод.

А там и местные подсказали интересное дикое место всего в получасе езды на восток.

– Сейчас... – Себастьян поднял винтовку, целясь чуть правее от центра груди кабана. Все верно, лоб пуля может и не пробить, а вот ребра ее не остановят.

Выстрел... В последний момент Себастьян неудачно поскользнулся, винтовка вылетела у него из рук, и новый друг рухнул на четвереньки в считанных метрах от клыков кабана.

– Мишек! Мишек! Помоги! – только и успел закричать он, когда зверь врезался ему прямо в шею, чуть ли не отрывая голову.

Мишека окатило кровью, и только после этого он поднял винтовку до конца и поразил сердце кабана... Он просто не

успел выстрелить раньше. Именно эта мысль крутилась в голове у молодого поляка, раз за разом, так что через какое-то время он даже сам начал в нее верить. И только где-то в подсознании сидело мелкое и гаденькое. Смерть гораздо надежнее, чем дружба, прикрывает спину от тех, кто посмел покушаться на его карьеру.

Цена? А разве она важна, если он получит все, о чем только смеет мечтать?

Глава 5

Подпоручик Кутепов лежал в траве, рассматривая, как в утреннем тумане словно на фотографии проявляются очертания утреннего Инкоу. Солнце еще не поднялось над горизонтом, а порт уже работал. Две канонерки прикрывали берег и ползущую к нему вереницу транспортов. Тысячи людей сновали туда-сюда, и в этом хаосе простого люда выделялись строгие ряды армейских частей Японской Императорской армии. Не меньше полка, не считая отрядов ветеранов, отвечающих за порядок. Многовато, похоже, в порту сейчас находится не только прикрытие, но и часть пополнения для группировки Оку или Нодзу.

Вот только они все равно не отступят! Чем больше врагов, тем лучше – тем славнее будет победа! Правда, не все так считали. Так, капитан «Сивуча» Стратанович до последнего отказывался идти на контакт, и только телеграмма от Макарова решила ситуацию. Кавторанг – это чин седьмого класса, полковник – шестой. Хоть флот никогда не подчинялся пехоте, вовремя поступившее предложение помогало прикрыть задницу на случай разборок, и тогда... Пусть моряки и не хотели слишком рисковать, но уходить, даже не попытавшись ударить по врагу, им не хотелось еще больше.

Несколько дней ушло, чтобы вернуться к северным границам Инкоу. Могли бы и быстрее, но в последний день «Си-

вуча» тащили словно бурлаки с выключенной машиной, а то клубы дыма японцы точно заметили бы еще за десяток километров. А ручками – получилось долго и тяжело, но тихо. И дозоры Хорунженкова сработали идеально, сняв с помощью снайперов три японских секрета и перекрыв дороги для местных доброхотов, готовых доложить о появлении русских за скромное вознаграждение.

После этого, пользуясь петлей, которую прямо перед городом делала Ляохэ, капитаны выгрузили часть команд и грузов заранее. Один крупный отряд отправился к Инкоу вдоль реки, другой, поменьше, пошел напрямик к побережью. Кутепов был в первой группе, волнуясь в ожидании большого сражения и лишь иногда задумываясь о том, что же делают все остальные.

– Александр Павлович, – тихо зашептал лежавший рядом казак охранения. Им в этом бою доверили прикрывать отряд снайперов, и народ, понимая важность задачи, немного нервничал.

– Что?

– А вы почему не вернулись, когда посылку привезли?

– Там японцы уже близко к Ляояну подошли, мог и не проскочить. Вот к вам прорываться можно было и рискнуть. А просто так лезть на рожон – полковник бы не одобрил.

– Это правда, он часто говорит, чтобы без дела животом не рисковали, но вот когда надо... Умри, но сделай.

– И правильно говорит.

– А вас никто не ждет?

– По телеграфу о моем решении остаться передали.

– И вам совсем не страшно? Нас так мало, и мы даже не в обороне сидим, как когда тобольцам помогали, а сами атакуем.

– Не страшно. План сам полковник придумал, а еще... Это война, солдат: будешь сидеть на ней тихо, может, и выживешь, но карьеру не сделаешь. А у меня, брат, на будущее слишком большие планы, чтобы в подпоручиках несколько лет ходить.

– Вы из этих... социалистов?

– Вовсе нет. Поверьте, в России достаточно людей под самыми разными знаменами, которые хотели бы сделать ее лучше. Не только... социалисты.

– А кто еще? Баре? Так вы вроде не из знатных?

– Отец был с личным дворянством, отчим – с потомственным, он из гражданских чиновников при корпусе лесничих. Вроде бы и не особо много, чтобы задирать нос, но, главное, сейчас передо мной открыты все двери в империи, и только от меня зависит, как далеко я смогу пробиться. Сам пробиться, не кланяясь старым семьям или иностранцам, что так снисходительно предлагают некоторым свое покровительство.

Кутепов поморщился, потому что почти сразу пожалел, что сказал последнюю фразу, но, к счастью, на нее почти никто не обратил внимание. Японцы как раз заметили при-

ближение растопившего топку «Сивуча» и начали суетиться. Все разговоры разом затихли, и каждый в отряде молодого подпоручика сжал кулаки, глядя на то, как развивается сражение. Они в чем-то помогали при его подготовке, но точные планы были известны только капитану Хорунженкову и, может, еще бледному как смерть Стратановичу.

Кутепов следил, как «Сивуч» все быстрее идет вниз по реке, словно стараясь поскорее выйти на дистанцию огня. Может, брандер из него сделали? Мысль мелькнула и тут же исчезла – чушь! При дальности современных пушек никто не даст подойти брандеру на дистанцию поражения. Хоть днем, хоть ночью, если бы каким-то чудом им удалось в темноте прорваться через отмели на Ляхэ.

А вот 9-дюймовая пушка на носу канонерки, если не бояться и стрелять до последнего, могла натворить дел. Пока ее даже не раскрыли, пряча от начавшегося дождя и осколков под крепким навесом из промасленной ткани. Пристрелочный огонь вели всего два 6-дюймовых орудия – пока неточно, но даже перелеты и недолеты заставляли японцев нервничать.

– Хорошо, что наши катера придержали, – выдохнул казак-сосед, когда один из этих пристрелочных снарядов случайно попал по японскому каботажнику, и тот, сверкнув огромной черной дырой, мгновенно набрал полборта воды и раненой нерпой ушел под воду.

Японцы начали спешить еще больше. «Атаго» и «Удзи»,

даже не дождавшись, пока котлы выйдут на полные обороты, сорвались со своих стоянок и стали подходить ближе к устью. При этом они, словно издеваясь, заворачивали влево, ловко выдерживая курс, чтобы «Сивуч», зажатый берегами Ляохэ, не смог бы взять их на прицел. Вот и проявилась огромная разница между кораблями со свободой маневра и без, а тут еще и батареи с фортов Инкоу включились, беря русскую канонерку в огневой мешок.

Кутепов сжал кулаки, когда новые разрывы начали накрывать палубу корабля. Сразу стало понятно, почему капитан Стратанович до этого сам не воспользовался подобной тактикой – это верное самоубийство. Но на что рассчитывает Хорунженков? Почему моряки его не остановили? Что, черт его дери, мог придумать Макаров, чтобы все это имело смысл? Очередной снаряд накрыл «Сивуч». Прямое попадание? Нет, по касательной, броня выдержала, но корабль разом лишился нескольких узлов скорости, и теперь его конец стал делом самого ближайшего времени.

Клубы дыма начали опадать, и, когда «Сивуч» вырвался из него на открытое место, Кутепов неожиданно обнаружил, что последний снаряд заодно снес и защитный чехол на носу корабля. Тот самый, под которым ждало своего часа 9-дюймовое орудие – вот только его не оказалось на месте!

И тогда Александр Павлович разом все осознал. Зачем снимали паровой двигатель с одного из пароходов. Что именно так долго и старательно перевозили пехотные части вто-

рого отряда. На что рассчитывают капитаны. И, главное, что движение японских канонерок, так ловко и разумно держащихся в стороне от секторов обстрела с «Сивуча» – это огромная ошибка. Для японцев.

Кажется, кто-то из вражеских капитанов тоже что-то понял. «Удзи» начал сбавлять ход и забирать в сторону от берега, но поздно. Тайная батарея, на которую японцы сами вывели свои канонерки, глухо булькнула. 9-дюймовка со стволом во все 229-миллиметров – страшная вещь. Никто точно не знал, какой гений догадался засунуть орудие береговой обороны на канонерку², но сейчас это сыграло на пользу русской армии.

Снаряд весом 126 килограммов, где почти треть приходилась только на взрывчатку – прямой наводкой по ближайшей канонерке... Подставивший борт «Удзи» зачерпнул воду и ушел на дно чуть ли не быстрее, чем старый и ржавый портовый транспорт. «Атаго» продержался дольше. К чести японцев, они не испугались, не попытались сбежать – вместо этого повернули все пушки к берегу и, выжимая все соки из своей паровой машины, попробовали первыми подавить тайную батарею.

Кутепов даже на ноги вскочил, чтобы ничего не пропустить. «Атаго» на скорости стал гораздо более сложной целью – следующие два снаряда ушли в молоко. А вот японцы

² Кутепов не знает, но при Александре III на канонерки этой серии планировали поставить даже не 9 дюймов, а все 11. Но не сложилось, не успели...

попали, зацепили артиллеристов на земле, но те только злее стали. Закопченные, словно раскрашенные в черно-красные цвета обитатели преисподней, они прошли сквозь пламя и снова навели пушку.

Выстрел – на этот раз «Атаго» тоже зацепило. Машина потеряла ход, и четвертый снаряд пробил борт, попав куда-то в погреб для боеприпасов. Прямо перед Инкоу словно расцвел огромный огненный цветок, а потом, когда уши снова смогли различать звуки, Кутепов услышал батальонные трубы. Такая простая и приятная мелодия, от которой всегда тепло на душе. В атаку!

– Если играют в атаку, значит, мы побеждаем! – пошутил Кутепов и махнул своим солдатам, чтобы работали локтями и ползли вперед.

Наступление... Теперь снайперам нужно подбираться поближе к городу, а им проследить, чтобы никто этому не помешал. После всего увиденного молодой подпоручик не сомневался, что они справятся. Не совершат подвиг, не удивят врага, а просто сделают свое дело и выполняют приказ.

Плеве расстроил.

Я-то ехал в Ляоян, рассчитывая на все десять радиопередатчиков, а мне в итоге выдали только два. Конечно, к ним прилагались люди и двуколки для перевозки – три инженерных и одна интендантская, но я бы все богатство променял на еще один дополнительный прибор. Увы, их просто

не было. Даже с учетом тех передатчиков, что еще только планировали собрать в этом году, у России от Польши до Маньчжурии имелось всего 106 станций. Половину собрали в Кронштадтской мастерской, которая сейчас все силы тратила на укомплектование Тихоокеанской эскадры Роже-ственского. 25 штук изготовила фирма «Дюкрете», еще 27 – «Сименс и Гальске» при поддержке «Телефункен». И вот с учетом всего этого даже две радиостанции были самым настоящим чудом.

– «Дюкрете» и «Маркони», – оценил я свою добычу. – У японцев такие же?

– Все верно, – кивнул мне Плевел. – Кстати, пока я искал для вас станции, заодно обнаружил кое-что интересное по делам связи. Это случилось еще 15 апреля. В тот день два японских броненосных крейсера, «Ниссин» и «Касуга», подошли к Порт-Артуру, чтобы попробовать навесом закинуть снаряды на внутренний рейд. При этом с кораблей велся активный радиообмен, что навело наших офицеров на мысль о наличии у врага корректировщиков в городе. Оборудование для связи занимает немало места, но вычислить его все равно непросто, и решение нужно было принимать быстро. И тогда контр-адмирал Ухтомский, временно исполнявший обязанности командующего флота, отдал приказ перебить сообщения. Но как это сделать? Наши связисты с «Победы» и Золотой горы подумали-подумали и забили все частоты большой искрой. И сработало, вражеская передача прекратилась.

– Большая искра – это просто более мощный сигнал?

– Да. В итоге в эфире получился белый шум... Так что, – Плеве хитро прищурился, – есть польза для армии от полицейской наблюдательности?

– Есть, – кивнул я.

Если до этого в мыслях были только жалобы на так и не выданные радиостанции, то теперь... Я перешел от мечты к суровой реальности. Радио – это не какое-то чудо-оружие, это просто инструмент, у которого есть как сильные, так и слабые стороны. И теперь я, слава богу, буду помнить об этом. Учитывать, что как враг может вмешаться в мои передачи, так и я в случае чего смогу это делать. И пусть до первых теоретических работ, которые опишут и объяснят, что именно произошло, еще целых 7 лет, это вовсе не значит, что моя активность не спровоцирует тех же японцев тоже в чем-то опередить время.

Ну вот, и опять придется больше думать. Но это когда вернусь, а пока...

– Спасибо, Вячеслав Константинович, – искренне поблагодарил я Плеве.

– Тогда ко мне не будет претензий, что вы не получите все 10 станций?

– Никаких. Вы дали вместо оставшихся восьми нечто гораздо более цельное. Информацию.

Плеве только хмыкнул – кажется, мое уважение к знаниям и интеллекту ему импонировало.

– Кстати, – я сообразил, что один вопрос у меня все-таки остался. – Если с радиостанциями все так сложно и все заказы расписаны на годы вперед, как вы умудрились достать даже эти два набора?

– Китайцы, – Плеве только рукой махнул. – Я предложил, они продали... Причем, кажется, не свои, но я даже вдаваться в эти подробности не стал. Сейчас при дворе Цыси слишком многие заигрывают с англичанами, так что, если ваши станции позаимствовали у новых союзников, то так даже лучше.

Министр хохотнул так искренне, что захотелось присоединиться, и я неожиданно понял, что он тоже чем-то похож и на Витте, и на великого князя Сергея Александровича. Просто действует со своим окружением немного по-другому...

Попрощавшись с Плеве и проследив, чтобы новые станции доставили к нашему составу, я решил довести до конца еще одно важное дело. Проверил, с собой ли подготовленные за последние ночи бумаги, а потом пошел к зданию прессы. Здесь, как всегда, был настоящий сумасшедший дом – все носились, спорили, даже кричали... Почему-то невольно вспомнился «Маугли», где говорили, что когда шакал впадает в бешенство, то даже тигр уступает ему дорогу.

Я тряхнул головой, прогоняя мысли о шакалах, и именно в этот момент меня заметил Чернецкий. Молодой человек сразу же бросил спорить со своим импозантным коллегой и

подлетел ко мне, сверкая широкой улыбкой.

– Вячеслав Григорьевич, а я ваш комментарий про зверства японцев отправил в Москву, и его должны пустить в печать то ли сегодня, то ли завтра...

Я на мгновение растерялся. Не ожидал, что либеральной газете под патронажем кадета Милюкова будет интересно защищать царскую войну на границах империи. Определенно, они увидели в этом какой-то смысл, но какой? Разве что противопоставить меня остальным генералам, которые не особо спешат делиться информацией? Но оно им надо? Тем более когда есть более острые и интересные темы.

– Неужели ради такого вы даже на время оставите обсуждение Ляоянского бунта? – спросил я.

– Это не понадобится, – Чернецкий продолжал широко улыбаться. – Новости о нападении аж на двух министров и великого князя вызвали такой ажиотаж, что Павел Николаевич приказал увеличить тираж и добавить пару дополнительных листов.

– А господин Милюков решил собрать все сливки с этой ситуации, – я покачал головой. – Если не секрет, то что сейчас говорят в обществе о случившемся?

– Да как обычно, – Чернецкий махнул рукой. – Одни требуют всех к ногтю, другие рассуждают, до чего довели народ. И еще... Знаете, вам должно понравиться. Довольно популярно стало сравнение вас с Суворовым, Дибичем и Паскевичем. Мол, те трое усмиряли Польский бунт, а потом при-

несли славу русскому оружию. А вы усмирили бунт Маньчжурский, ну и насчет славы тоже есть наметки. Так как вам роль нового царского мясника, Вячеслав Григорьевич?

Улыбка, которая превращала все это в шутку, на мгновение пропала и тут же вернулась.

– Мясник – тоже важная профессия, – я не стал шутить в ответ, парировав максимально серьезно.

На мгновение повисла тяжелая пауза. Потом Чернецкий кашлянул и решил сменить тему:

– Кстати, я слышал, что ваш корпусной врач отправил какие-то свои записки в Московское физико-медицинское общество. Если это те самые наработки, из-за которых у вас в корпусе самая низкая смертность в армии, то почему не в столицу?

– Просто у доктора Слащева есть друзья в Москве, которые помогут с печатью, но... С чего вы взяли, что смертность у нас самая низкая? – я удивился не самому факту, а той уверенности, с которой говорил журналист. – Мне вот такие цифры не попадались, говорят, все посчитают году так к 1907-му, не раньше.

– А я не на цифры опираюсь, а на солдатскую молву. Коллективная мудрость, когда люди видят, как лечат у вас, как у других, а потом делают выводы. И если у сотен и тысяч людей они совпадают, то это точно не просто так. Понимаете?

– Вы про то, что эта мудрость может касаться и путей страны?

– А разве нет?

– Если бы все было честно, я был бы готов на нее опираться. Вот только если я сам точно никому не платил за слухи о лечении, то вот, например, господин Милюков вкладывает сотни тысяч рублей, чтобы через вашу газету влиять на умы. Чтобы эта коллективная мудрость опиралась даже не на слухи, а на их пересказ правильными людьми. Понимаете разницу?

– Мне кажется, вы просто демонизируете тех, с кем не согласны во взглядах. Если честно, я такое вижу довольно часто...

– Если бы демонизировал, разве бы стал с вами общаться? – я иронично поднял правую бровь. – Просто я стараюсь не делить людей заранее на плохих и хороших. Разве не мудрее вместо этого учитывать черты их характера, те самые, которые и хорошие, и плохие? Так сложнее, но... Жизнь сама по себе непростая штука.

– Вы... – Чернецкий только рукой махнул.

– И я тоже. Во мне есть как хорошее, так и плохое. И я предлагаю вам держать второе в уме, а насчет первого... Почему же не сотрудничать там, где наши интересы совпадают?

– И вы как раз насчет сотрудничества?

– Хочу предложить для печати свою статью, – я протянул Чернецкому плотно исписанные листы.

– Это же... – тот просмотрел бумаги по диагонали, но моментально уловил суть. – Вы написали про итоги сражения в

Желтом море! И при этом... ругаете флот за отсутствие понимания современной войны на море. Разве вы сами недавно не сказали, что готовы ради власти стать хоть мясником? А тут фактически бросаете вызов очень серьезным людям.

– Я сказал, что вам не стоит делить всех на плохих и хороших. И я не разделяю взгляды господина Милюкова, но понимаю, что эта статья может показаться ему достаточно интересной, чтобы продавить ее появление. Несмотря на возможное сопротивление со стороны некоторых, как вы сказали, серьезных людей.

– И зачем это нужно вам?

– Понимаете, что мои мотивы будут отличаться от ваших? Очень хорошо! Я мог бы промолчать, но тут нет особого секрета. Просто я верю, что все это может закончиться еще более ужасной трагедией, и хочу ее предотвратить.

– Пустить кровь, чтобы вылечить болезнь?

– Вы не в первый раз выбираете красивые сравнения. Может, вам попробовать писать стихи?

Чернецкий ошарашенно замер и потом лишь рукой махнул. Вот мы и договорились – статью передадут дальше, а там посмотрим. Поможет мой анализ сражения в Желтом море с учетом пары выводов из будущего осознать ошибки, которые в 1905-м приведут к Цусиме, или же нет. В любом случае это все, чем я могу помочь флоту. А теперь можно полностью сосредоточиться на подготовке к сражению у Ляояна.

За следующие недели, казалось, все вокруг подвисло в напряжении. Новостей от Хорунженкова не было, и я разрывался между надеждой, что у них просто повредило передатчик, и худшим вариантом, что атака на Инкоу провалилась самым кровавым образом. 6 августа армия Ноги начала штурм Порт-Артура – навалилась всеми силами и, несмотря на все когда-то переданные подсказки, чуть не ворвалась в город прямо по центру. Но отбились, и теперь японцам как минимум месяц придется зализывать раны.

На юге все успокоилось, а вот у нас наоборот. С каждым днем напряжение все нарастало – причем не только для меня или остальных офицеров. Кажется, уже каждый солдат понимал: теперь судьба войны будет решаться у нас. Под Ляояном. Уже скоро, буквально на днях. И вот ночью 26 августа ко мне ворвался полковник Ванновский с сумасшедшими глазами.

– Японцы... – от волнения у него пересохло во рту и пропал голос. – Они завтра атакуют, и мой агент знает, где и как они нанесут главный удар!

Глава 6

Хикару Иноуэ сдвинул в ладони горсть земли, выжимая из нее капли воды. Гораздо суше, чем было. Значит, уже скоро!

Вся 1-я армия Куроки уже давно вышла на позиции, но августовские дожди, накрывшие Маньчжурию с привычным для конца лета ожесточением, просто остановили войну. Нередким было зрелище, когда съехавшая с дорожной насыпи телега проваливалась в землю как в болото, исчезая за считанные минуты. При такой погоде идти в наступление было категорически невозможно, но и затягивать войну было смерти подобно.

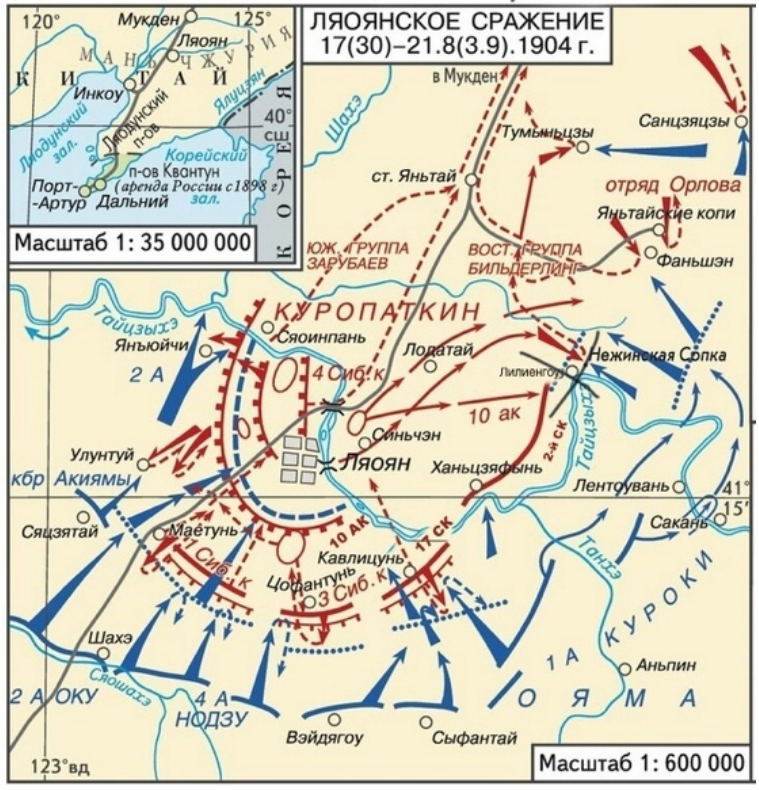
Иноуэ знал, сколько стоит его родине каждый день этого противостояния, а еще... Их подкрепления, застрявшие в этой слякоти, подтягивались с юга словно по капле. Русские же части, подъезжающие по железной дороге, копились гораздо быстрее. Еще неделю назад разведка доложила, что их набралось уже 140 тысяч³, столько же, сколько и во всех японских армиях – а что будет дальше?.. Поэтому, как только земля начала просыхать, сразу стало понятно, что в ближайшие дни главнокомандующий Ояма отдаст приказ об общем наступлении.

³ Японская разведка ошиблась, не сумев посчитать отведенные Куропаткиным резервы. Так, в нашей истории до самого конца сражения японцы до последнего будут исходить из того, что они как минимум не уступают нам в силах.

Было немного обидно, что основной удар достанется армии Оку, но у их 1-й армии была своя важная задача – взять позиции за рекой Танхэ и растянуть позиции русских на левом фланге. Именно здесь напротив них расположились позиции 2-го Сибирского корпуса, того самого, что столько раз ускользал от них и столько крови попортил. Но на этот раз он, Хикару Иноуэ, точно нанесет поражение тайсё Макарову. Ученик превзойдет учителя! И пусть у них забрали довольно много пушек, это ничего не изменит.

Войны решаются не количеством орудий, а храбростью и решительностью солдат.

✕ - Отряд Макарова

(Карта с движением отрядов как в нашей истории, но расположение корпусов скорректировали с учетом вмешательства главного героя)

– Георгий Карлович, добрый день, – я все-таки смог добиться, чтобы генерал Штакельберг принял меня вместе с Ванновским.

– Вячеслав Григорьевич, рад вас видеть, – мой бывший начальник выглядел бодрым и полным сил. Кстати, он тоже вспомнил, как полгода назад отправлял меня во 2-й Сибирский. – Скажу честно, не ожидал от вас таких успехов. Но рад! Очень рад!

– Я буквально на пару минут. Хотел передать вам последние сведения, добытые нашей разведкой.

– И зачем лично? Могли бы просто отправить адъютанта, вы же знаете, я всегда сразу просматриваю всю корреспонденцию.

– Слишком важные новости... И мне бы очень хотелось, чтобы вы отнеслись к ним предельно серьезно.

– Я вас слушаю, – Штакельберг нахмурился.

– Глеб Михайлович, говорите, – я повернулся к Ванновскому. Было видно, что полковник волновался, наверно, впервые в жизни добыв такие серьезные сведения, но держал себя в руках.

– Георгий Карлович, мои агенты получили информацию о главном ударе японцев! – выдохнул Ванновский. – Не скажу насчет пехоты и всего остального, но прямо напротив вашего корпуса они собирают почти 250 орудий!

Учитывая, что во всей японской армии насчитывалось около 440 пушек, эта цифра была еще внушительнее, чем

можно было подумать. Однако Штакельберг не спешил впечатляться.

– И почему вы говорите это мне, а не главнокомандующему?

– Мы доложили Куропаткину, – пояснил я. – Но он сомневается, что враг станет так оголять все остальные направления. Думает, что все это не более чем дезинформация.

– А вы?

– А я уверен, что добытые полковником Ванновским сведения верные.

– И как именно вы их добыли? – Штакельберг еще сомневался, но хотя бы пытался разобраться, что к чему.

– Вчера был сильный северный ветер, – глаза Ванновского сверкнули. – Мы воспользовались моментом и пустили в ночи лодки по Танхэ. Против течения, но по ветру – было рискованно, и все же у нас получилось. Обе плоскодонки прошли мимо японских позиций без единого звука, а потом ефрейтор Уткин смог осмотреть вражеские тылы в бинокль. Информацию передал почтовым голубем со специальной отметкой и шифром, так что не сомневайтесь. Чужой бы так обмануть не смог.

– Значит, 250 пушек... – Штакельберг подкрутил усы. – Будет непросто, но мы не сдадимся.

Кажется, нам все-таки поверили, а дальше пусть все будет, как будет.

Не помню, когда точно началось это сражение в нашей истории – в этой же мы не дали японцам обрести полную уверенность в своих силах, и те точно спешили. Еще в ночи под самое утро наблюдатели заметили движение вражеских колонн. Естественно, те шли так кучно только вдали от линии фронта. На расстоянии в полторы тысячи шагов колонны разбивались на роты, взводы и отделения, а дальше передвигались уже россыпью.

Пушки тоже показывались, но небольшими группами, поддерживающими атаку пехоты – не больше. Я ждал натиска, того самого огневого вала, в котором мы убеждали Штакельберга, но его не было. Следующие три дня японцы лишь методично пробивали наши дальние позиции, пользуясь тем, что никто не собирался стоять на них до последнего. Перестрелка – отход, еще перестрелка – еще отход, и так по кругу. Иногда вместо отхода тот или иной батальон шел в контратаку, беря врага в штыки и отбивая позицию или же, наоборот, неудачно напарываясь на вражеский огонь и снова отступая, на этот раз с приличными потерями.

Вся эта мелкая возня чрезвычайно выматывала – хотелось прекратить ее, нанести решительный удар, разметать врага, который словно сам не мог поверить, что ему полностью отдали инициативу. Но каждое утро каждому корпусу, дивизии и полку приходили приказы от Куропаткина: позиции удерживать, по возможности наносить врагу урон, но в серьезный бой не вступать и отходить к основной линии укреп-

лений. Раздражало. И единственное, что помогало с этим раздражением справиться, так это мысль о том, что японцам сейчас тоже непросто.

А потом наступило 30 августа. Началось оно с огня 390 японских орудий. Да, даже не 250, а почти на сотню больше – Ванновский все же недооценил решимость Оямы собрать почти всю свою артиллерию в единый кулак. Казалось, все позиции Южного отряда Зарубаева залиты огнем, но...

– Суматов передает, – доложил приставленный к моему штабу Чернов. – Да! Генерал Штакельберг успел отвести силы в укрытия! Переждут вал, а как придет время, встретят идущую за ним атаку.

Я выдохнул – пусть с опозданием на несколько дней, но пока все шло по плану. Прежде всего работали наши радиостанции, две из которых я отправил в центр и на правый фланг. Не мое, конечно, дело лезть на чужую территорию, но и Штакельберг из 1-го, и Иванов из 3-го корпусов были только за, чтобы знать, что творится на других участках фронта. Проводная связь же была только с главным штабом Куропаткина, а так мы на своем уровне состыковались и были готовы в случае чего поддержать соседей по флангам.

– Господин полковник, – капитан Лосьев на мгновение оторвался от карт и посмотрел на меня. – А то, как работают части Штакельберга – это же ваша тактика, которую вы использовали при сражении на реке Ялу?

– Похоже, но... Это не моя придумка, все давно есть в

предписаниях по армии, так что генерал Штакельберг не повторяет, а просто хорошо делает свою работу. Причем отмечу, что дополнительные переходы и линии окопов для всех этих маневров он начал готовить еще месяц назад.

– Враг выдвинул вперед две дивизии, 3-я Ошимы и 5-я Уэды, – Чернов продолжал снабжать нас новостями с позиций Южного отряда. – 6-я дивизия начала обход нашего правого фланга и... – голос Чернова дрогнул. – Там не скосили гаолян!

Гаолян к концу лета достиг в высоту почти двух с половиной метров и мог скрыть не то что дивизию – целую армию. Японцы этим воспользовались – я на мгновение сжал кулаки, ожидая чего-то страшного, но... Кажется, Штакельберг не столько ленился, сколько заготовил для врага ловушку: подходящие отряды встретили огнем пулеметов, и 6-й дивизии не осталось ничего другого кроме как остановиться и начать окапываться почти на открытом месте. Если бы не подавляющее преимущество японцев в артиллерии на этом участке фронта, то можно было замахнуться на полное уничтожение подставившегося отряда. А так... Немного пустили кровь, и ладно.

– И почему главнокомандующий ничего не сделал, мы же предупреждали об этих пушках?! – выругался кто-то из адъютантов. Вот только...

– Он сделал, – опередив меня, заметил Брюммер.

До этого молодой штабист сидел с Городовым, выслуши-

вая донесения от наших связистов при батареях, нанося на карты углы и сектора обстрелов вражеских отрядов и орудий. Но тут оторвался и выдал длинную речь о том, что никогда нельзя на сто процентов полагаться на разведку. Даже сейчас Ванновский вроде бы и верно всех предупредил, но ошибся на три дня и пушки в главном отряде не совсем точно посчитал.

– А главное, что можно сделать, чтобы противостоять такой прорве орудий? – продолжал Брюммер, – Поставить против них столько же своих и устроить артиллерийскую кровавую бойню? Можно было бы... Вот только японцы бы на нее не пошли – пользуясь тем, что инициатива у них, просто бы перетащили свои батареи на другой участок фронта и пусть позже, но начали бы атаку только там, где слабо.

– А мы бы не перетащили? – не согласился адъютант.

– Могли бы. Вот только время атаки определяет тот, кто нападает. И японцы просто продолжили бы маневры. Такова правда войны: у одного окопы, у другого маневры. Не бывает так, что сразу все на твоей стороне.

– И поэтому Куропаткин распределил орудия ровно по всему фронту? То есть, пока враг где-то не втянется в бой, нам тоже нет смысла подтягивать резервы. И что же, ничего нельзя сделать?

– Одно было возможно, и Куропаткин это сделал, – где-то вдалеке раздался басовитый гул. – Подтянул на это направление наши тяжелые пушки, и теперь те по чуть-чуть, но раз-

бирают те японские батареи, до которых могут дотянуться.

Я согласно кивнул – действительно, тут не могу не согласиться. Куропаткин нашел тому десятку тяжелый орудий, что успел привезти под Ляоян, лучшее применение. А так и силы японцев прореживаем с безопасного расстояния, и настроение портим. Все-таки одно дело честный бой, тогда и потерпеть можно, и совсем другое – когда тебя безнаказанно расстреливают издалека без шанса ответить. К такому мало кто отнесется с пониманием.

Впрочем, несмотря на все маневры, Штакельберг тоже нес потери, и было непонятно, кто дрогнет первым. К счастью, Куропаткин решил не рисковать и двинул в сторону 1-го Сибирского усиление из своего резерва. И пусть 10-й армейский корпус не смог особо помочь огнем, зато добавил уверенности, и это окончательно лишило японцев надежды на успех.

Примерно так же, не очень удачно, прошло наступление и против 3-го корпуса Иванова. Вернее, началось все довольно неплохо для японцев: местность в этой части Ляояна была гористой, и враг смог подобраться к передовым позициям почти вплотную. Причем неожиданно! Если Штакельберг успел встретить подобную атаку пулеметами, то тут наши просто оказались не готовы.

Когда Чернов дочитал только эту часть сообщения, я невольно вспомнил Ялу. Очень похожая ошибка! Тогда японцы точно так же подошли снизу, накопились и одним

рывком захватили Тигровый остров. Но с 3-м корпусом вышло немного по-другому. Как говорится, когда не работают планы, всегда есть место подвигу.

Три японских батальона ударили в штыки по одному, и казалось бы – без шансов. Но тут свою роль сыграли опыт и... размеры. Более высокие и сильные русские солдаты не дали себя рассеять, а потом массой, штыком и крепким словом вынесли самураев со своих позиций. Еще и дали несколько залпов им вслед. Чуть правее вперед были брошены гвардейские части 1-й армии Куроки, но тоже без особого успеха. Впрочем, они и не старались атаковать: просто вышли на новые позиции и начали окапываться, словно всем своим видом намекая, где завтра будет главный удар.

На этом первый день сражения подошел к концу. И если 17-й корпус с нашего фланга хоть немного поучаствовал в сражении, то вот мы фактически весь день простояли без дела.

– Эх, надо было самим идти в атаку, раз японцам на всех сил не хватило! – Шереметев даже выругался, когда вместе с заходящим солнцем начали откатываться и японцы.

– Приказ, – напомнил я о Куропаткине.

– Когда мы были в походе сами по себе, было проще, – Степан Сергеевич только рукой махнул.

И надо сказать, многие из моих офицеров были с ним согласны. А вот я... Я начал понимать нашего главнокомандующего. Несмотря на его политические мотивы, действовал

он вполне грамотно. Да, пока без громких побед, и лично я был не согласен с тем, что Куропаткин сейчас гнал на фронт как можно больше солдат в ущерб патронам и снарядам, но вот остальное... Маневр с тяжелой артиллерией был неплох, заготовленные позиции – даже хороши, а то, что больше ни один командир не думал размещать солдат и пушки на открытом месте, было и вовсе великолепно.

А тут еще и Ванновский рассказал об одной интересной схеме по его ведомству. Как оказалось, после первого натиска на корпус Штакельберга, когда на них обрушился огонь почти всех вражеских пушек, Куропаткин отдал приказ о начале эвакуации имущества. Его провели по канцелярии, в поезда даже начали грузить какое-то зимнее барахло и... Кто бы и где бы в городе ни работал на японцев, он такую активность пропустить не смог. Послание о панике в тылу и готовности отступить ушло в штаб Оямы, и тот же Оку вместо того, чтобы отступить уже через час, когда стало понятно, что его атаку отбили, продолжал тратить силы и людей до самого вечера.⁴

Теперь главное, чтобы мы сохранили взятый сегодня темп, вымотали японцев еще больше, а потом не испугались нанести удар. И вот насчет того, что русская армия окажется способна на последнее, я сомневался больше всего. Тут и

⁴ В нашей истории тоже был этот приказ. И до сих пор непонятно, то ли Куропаткин на самом деле испугался и был готов отступить уже через час, то ли все же версия Ванновского тоже имеет смысл.

опыт из моего времени, и политики, которые не хотели бы столь явного успеха, а еще... Ну, не хватало Куропаткину уверенности в себе, в армии, что точно выполнит его приказ. Возможно, если бы он хоть раз победил, то...

Я не успел додумать, когда в штаб влетел поручик Огинский. Адьютант Куропаткина был взволнован – кажется, ему тоже пришлось сегодня понервничать. Быстро поздоровавшись с остальными, он резким шагом подошел ко мне, а потом протянул запечатанный конверт.

– Приказ на следующий день от главнокомандующего, – отчеканил Огинский, а потом добавил еле слышно. – Отдельно просили передать для вас... Используйте эту возможность с умом.

Ничего больше не говоря, Огинский развернулся и поспешил дальше. Ну точно, у него еще немало мест, куда нужно донести приказы. Я разорвал конверт и прочитал послание вслух.

– Завтра, 31 августа, продолжать отстаивать занятые позиции. При этом не ограничиваться пассивной обороной, а переходить в наступление по усмотрению командиров корпусов, где оно окажется полезным и возможным... – я опустил бумагу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.